

*Иванова Зинаида Ильинична,
Канд.истор.наук, зав. кафедрой
политологии и социологии МГСУ*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Этническая идентичность – это разновидность социально-психологической идентичности, осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической группе.

Этнические группы могут мыслиться как формы социальной организации, - утверждает известный норвежский антрополог Ф. Барт. Главным признаком такой организации становится приписывание идентичности себе и приписывание ее другим. «В той степени, в которой акторы используют этнические идентичности, чтобы категоризировать себя и других с точки зрения возможного взаимодействия, они образуют этническую группу в указанном организационном смысле». [1] Для демонстрации идентичности люди находят определенные дифференциальные признаки, прежде всего, это ценностные ориентации, нормы нравственности и стандарты поведения.

Обретение своей этнической идентичности дается людям по-разному. У одних этот процесс протекает легко и не вызывает психологического напряжения. Так происходит в моноэтнической среде, среди «своих», или в ситуации, когда оба родителя принадлежат к одному и тому же этносу, и в семье поддерживаются единые культурные образцы, используется родной язык. Трудности возникают, когда у родителей различная этническая принадлежность, или семья проживает в иноэтнической среде, язык, ценности и нормы которой принимает, реализует в повседневной, в том числе и бытовой, сфере.

В городах и крупных населенных пунктах в результате активной миграции населения складывается политэтническая среда: здесь взаимодействуют люди с различными идентичностями. Большое количество мигрантов прибывают на новое местожительство со своими микросоциальными практиками, своими габитусами, моделями поведения. Они еще

находятся под влиянием культуры, в которой сформировались, и в то же время уже подвергаются сильному давлению другой культуры. Если своя культура близка к культуре того этноса, среди которого поселяются индивиды, идентификация может быть двойной: и с господствующей культурой, и с культурой своей этнической группы. Такую идентичность можно назвать *интегрированной или бикультурной*. Если чужая культура существенно не совпадает и не согласуется с родными для этих людей традициями, обычаями, способами мышления и стандартами поведения, возникает своего рода *культурный диссонанс*, а в итоге, по выражению польского исследователя П. Штомпки, – *«лишенная цельности, разбитая идентичность»* [2]. Люди, уже успевшие оторваться от своей культуры, но еще слабо интегрированные в культуру принимающего народа, обладают *маргинальной этнической идентификацией*.

Сегодня мы наблюдаем массовую миграцию населения планеты. Из стран Азии, Африки и Латинской Америки люди перемещаются в европейские страны, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. 175 млн. человек сейчас живут вне государств, в которых они родились.

Причины миграции – в основном экономические и демографические. К началу 2009 года совокупное население планеты составило 6,6 млрд. человек. Согласно демографическим исследованиям, численность населения продолжает быстро увеличиваться. Ежегодный прирост составляет примерно 90 млн. человек, причем 90% прироста приходится на страны Африки, Азии и Латинской Америки.

В связи с быстрым ростом численности населения в некоторых странах весьма остро встают проблемы, связанные с необходимостью обеспечения людей работой, жильем. Серьезной проблемой этих стран стала продовольственная проблема, так как производительность сельского хозяйства, характерного для большинства развивающихся стран, находится на низком уровне.

В развитых странах, с низким приростом населения, возникают проблемы, связанные со «старением нации». Например, в таких странах, как Венгрия, Швеция, Дания, наблюдается постоянное сокращение численности населения (то

есть смертность превышает рождаемость). Некоторые развитые страны уже ощущают нехватку работоспособного населения, в них возникает спрос на рабочую силу, как неквалифицированную, так и квалифицированную. Безусловно, более привлекательной становится рабочая сила гибкая, дешевая, поддающаяся давлению.

Происходит и серьезная экологическая деградация в некоторых регионах мира: вторжение пустынь, прогрессирующее окисление и эрозия почвы, обусловленные неграмотной обработкой земли; неуправляемый процесс урбанизации; высокотоксичные отходы промышленных производств развитых стран, использование отравляющих средств против грызунов. Экологическая деградация порождает новый тип – экологического мигранта.

Еще одна серьезная причина миграции – межэтнические столкновения, войны. Внезапные и крупные потоки беженцев создают экстренную проблему их принятия и расселения в других странах.

Миграция – необходимость, но она порождает проблемы, связанные с необходимостью мирного взаимодействия и сотрудничества людей с разной религией, ценностями, нормами поведения. При невнимании властей или неправильных действиях властей, отсутствии регуляции передвижения мигрантов эти проблемы могут обостриться.

Россия сейчас вышла на второе место по числу иммигрантов после США. Наряду с легальной миграцией, по разным подсчетам, на территории России в зависимости от сезона находится от 5 млн. до 12 млн. нелегальных мигрантов из 120 стран мира. В основном приезжие заняты в проблемных областях - строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, сельском хозяйстве. Значительное количество мигрантов оседает в Москве.

Согласно опубликованным в СМИ данным в Москве живут 700-800 тысяч азербайджанцев, а по данным ГУВД столицы – полтора миллиона. [3]. По данным других источников, азербайджанцев - около 100 тыс. Армян в столице, по самым скромным подсчетам, насчитывается более 80 тыс. Грузин, по официальным данным, - 19,6 тыс., по

неофициальным – 70 тыс. человек. [4]. Чеченцев – 14 тыс., осетин – 12 тыс., ингушей – до 4 тысяч [5]. Усилились также миграционные потоки из стран Юго-Восточной Азии. Китайская диаспора в столице доходит примерно до 100 тыс. человек, вьетнамская – до 20-30 тыс. человек. [6]. Статистические данные различных источников противоречат друг другу, какого-либо систематического учета приезжих нет, законодательство в этой сфере четко не проработано, поэтому реальную картину иммиграции представить невозможно.

В любом случае, приведенные цифры показывают, что Москва – город, в котором проживает громадное число национальностей со специфическим психическим складом, с разными стереотипами поведения. Все это создает обстановку напряженности, латентного конфликта, время от времени переходящего в единичные проявления неприятия друг друга.

В 2005-2006 гг. Центр исследования межнациональных отношений Института социологии РАН провел социологический опрос в рамках программы московской мэрии «Москва многонациональная – формирование гражданской солидарности, культуры, мира и согласия». Ученые сделали попытку разобраться, что происходит внутри разных национальностей в российской столице, кем себя считают живущие здесь рядом с русскими азербайджанцы, армяне, грузины, татары, каких ценностей они придерживаются. К сожалению, опрашивались только легально живущие в Москве, поэтому полученные данные не полностью отражают мнение представителей разных национальностей, пребывающих в столице.

По данным этого опроса, приведенным в статье Л. Дробижевой, из 10 млн. москвичей 85% русские, 2,5% - украинцы, 1,5% - татары, 1,2% – армяне, 0,9% азербайджанцы, 0,6 % белорусы, 0,5% грузины. [7] За период между последними переписями группа азербайджанцев выросла в 4,8 раза, армян – в 2,8, грузин – в 2,7, чеченцев – в 7 раз, а евреев уменьшилась с 2% до 0,8%. Среди сегодняшних жителей столицы пропорции родившихся в Москве и приезжих распределяются так: 60% русских – уроженцы столицы и 40% – приезжие (в том числе 15% – так называемые «новомигранты», осевшие в городе за последние 19 лет). 45% татар родились в Москве, 55% –

приезжие, «новых» – 10%. Среди украинских мигрантов 22% живут в столице с 1986 года и позже. Армян – уроженцев Москвы – 24%, мигрантов – 76% (26% – новые), у азербайджанцев цифры соответственно 14, 86, 50. Среди приезжих азербайджанцев преобладают люди молодые, причем в основном это мужчины. 22% грузин родились в Москве, а из 78% грузин приезжих 34% – новоселы. [8]

Соотношение мусульманского и христианского населения Москвы составляет 1:5, а 10 лет назад оно было 1:37. [9]

Социокультурную идентичность обычно связывают с традицией. Традиции присущи самым разным областям культуры, но в первую очередь, проявляются в религии и языке. Именно язык отражает идентичность членов этноса. Мигранты вынуждены пользоваться официальным языком, на котором разговаривает большинство, т.е. русским языком. На принятие «другого», возникновение к нему доверия, проявление лояльности влияет, насколько хорошо «другой» владеет языком народа-реципиента. 76% столичных украинцев считают русский родным языком, три четверти владеют им лучше, нежели украинским, а две трети их детей по-украински практически не говорят. Только 23% на вопрос «Кто вы?» отвечают «Украинцы!», остальные причисляют себя к россиянам. [10] Кризиса идентичности здесь практически не наблюдается, так как нет противоречия культур коренного населения и мигрантов. По наблюдениям, русские не просто толерантны к украинцам, но и относятся с большим участием к их проблемам, сочувствуют и поддерживают их.

Часть татар – коренные жители Москвы – потомки переселенцев предыдущих веков. Московские татары внешне почти не отличаются от русских, у приезжих также отличия выражены слабо. Неприязни к ним не высказывают даже экстремистски настроенные молодежные группы, а современные москвичи почти не обращают внимания на их этнические особенности. Русский язык для большинства московских татар родной, в укладе жизни переплетаются этнокультурные традиции и принятые в Москве стандарты поведения. Национальная идентификация татар связана с Россией и русскими. Тем не менее, старшее поколение предпочитает,

чтобы их дети женились или выходили замуж за представителей своего народа, по мусульманскому обряду. В большей степени это выражено у татар, приехавших в столицу из Татарстана или других областей компактного проживания этого этноса.

Армяне – одна из легко адаптирующихся этнических групп столицы. Они относительно легко вливаются в московскую жизнь, предпочитая селиться в центре города. Большая часть из них приехала в столицу из Азербайджана и Грузии, где они учились не в «национальных», а в русских школах, свободно владели русским языком (половина считала его родным) и чувствовали себя «гражданами» Союза. Тесной связи с Арменией у них, по сути, не было: две трети из них там никогда не бывали и 90% не имели никакого желания менять Москву на Ереван. [11] Степень неприязни к армянам со стороны русских – москвичей ниже, чем к другим кавказским этносам.

Подавляющая часть грузин – новые, «постсоветские» мигранты. Большинство из них оценивают свою жизнь в столице положительно, особенно по сравнению с той ситуацией, которая сложилась в Грузии. Доходы многих проживающих в Москве грузин позволяют помогать оставшимся родственникам в Грузии и жить в богатых и наиболее удобных кварталах города. Большинство грузин – москвичей свободно говорят и думают на русском языке, но две трети сохранили хорошее знание грузинского. Правда, в отличие от старших, лишь треть молодежи свободно говорит и размышляет по-грузински. Как и армяне, московские грузины вполне терпимо относятся к смешанным бракам: так, у трех четвертей опрошенных грузин и трети грузинок мужья и жены русские. Безусловно, здесь сказывается христианская принадлежность армян и грузин.

Самая сложная в Москве – азербайджанская диаспора. При наличии довольно сильной, но малочисленной прослойки интеллигенции (только 13% проживающих в Москве азербайджанцев имеют высшее образование) в массе своей азербайджанцы-мигранты принадлежат к менее образованной части столичного населения. Многие из них заняты в торговле, русским языком владеют, но говорят с сильным акцентом. Верующих-мусульман среди них насчитывается 71%. Эта этническая группа как никакая другая ревностно хранит свои

традиции. В частности, больше половины женщин не работают – ведут домашнее хозяйство, не поощряются межнациональные браки и т.п. Значительная группа представителей этой диаспоры сохраняет тесную связь с Азербайджаном и мечтает туда вернуться. Территориальная идентичность для этой группы имеет громадное значение. Индивиды чувствуют причастность к своей Родине, городу, селу, особенностям своего ландшафта и климата, которые служат для них смысловой опорой. Среди азербайджанцев больше людей, чем в других этнических группах, не отказались от азербайджанского гражданства. В группе тех, кто собирается вернуться на родину, соблюдать московские нормы готовы лишь 25%. Здесь вчетверо больше тех, кто гордо заявляет: «Только слабые и трусливые люди соблюдают все законы и правила!» (11% против 2,4% в группе тех, кто собирается остаться в Москве). С утверждением «Спокойно и достойно можно жить только среди своих» согласились 9% «потенциальных москвичей» и 48% временных мигрантов-азербайджанцев. [12]

Представители этой диаспоры постепенно начинают преодолевать застарелые традиционалистские предубеждения: Меньше трети азербайджанцев, «ориентированных на постоянную жизнь в столице», не в состоянии примириться с московскими традициями, а 45% считают, что в русском городе надо жить согласно русским обычаям и традициям. Треть азербайджанцев, готовых остаться в Москве, ничего не имеют против того, чтобы их дочери вышли замуж за русских. При этом лишь 12% «временщиков» допускают такую мысль. [13]

Как уже говорилось, китайцев в столице насчитывается 60-70 тыс. Точное их число также назвать невозможно, так как среди китайцев много нелегалов. Выезжая по туристическим путевкам в Россию, или проникая нелегальным путем, китайцы уже не возвращаются домой. Для тех, кто на Родине не зарегистрирован, не имеет документов и возможности получить работу, проезд в Россию дает возможность легализоваться. В столице они в основном занимаются торговлей на рынках, проживают в общежитиях или арендуют однокомнатные квартиры на 7-15 человек. Живут замкнутой жизнью. Толерантность москвичей к дисциплинированным и спокойным

китайцам выше, чем к вьетнамцам. Вьетнамцев в Москве также становится больше. Они еще более закрыты, поэтому мало изучены.

Миллионы переселенцев из стран Азии не могут (а порой и не хотят) вписаться в жизнь на новом месте, интегрироваться, принять нравы и законы принимающей страны. Например, европейцы испытывают все большее беспокойство по поводу своей идентичности. Они боятся утратить ее с учетом того обстоятельства, что иностранцев становится все больше и больше. Доля мигрантов в европейских странах колеблется от 27 до 10%. В США каждый четвертый называет себя «небелым», не принадлежит к американо-европейской культуре; многие не могут усвоить нормы и правила своей новой Родины, поскольку не знают английского языка, малограмотны, заняты на неквалифицированных работах. [14]

Такие беспокойства характерны сегодня и для москвичей. Наблюдения за приезжими с Кавказа и из Средней Азии показывают, что нередко случаи пренебрежительного отношения к правилам поведения, принятым в России (например, громкий разговор в общественных местах, оскорбления покупателей на рынках и др.). Они создают негативные этнические стереотипы, особенно у тех, кто подвергся оскорблениям или столкнулся с другими нарушениям общественного порядка, и снижают уровень межгрупповой толерантности. Хотя русские, а тем более москвичи, достаточно толерантны к приезжим, все же в последнее время наблюдается недовольство размерами миграции. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в октябре 2009 года, две трети москвичей поддерживает ограничение притока иностранной рабочей силы. 36% опрошенных считает межнациональные отношения в Москве напряженными, 15% – конфликтными. Наиболее склонны к такой оценке 35–44-летние жители, те, кому 60 лет и старше (по 52%).

Согласно опросу Левада-центра, 34% из опрошенных россиян согласны с тем, что «во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей». 42% предлагают ограничить

проживание на территории страны выходцев с Кавказа, 41% - китайцев, 23% - жителей среднеазиатских республик.[15].

Социальная база ксенофобии расширилась и включает не только депривированные низы, но также какую-то часть среднего класса, людей разных возрастов. В целом москвичи старшего и среднего поколений более терпимо относятся к мигрантам. Ксенофобия как форма «негативной консолидации» распространена больше в молодежной среде. В частности, в качестве идеологии мигрантофобию взяли на вооружение так называемые скинхеды (молодежь в возрасте от 14 до 23 лет), которых в Москве, по данным городских властей, около 4 тыс. Эти молодежные группы чрезвычайно разнообразны, единой организации и управления не имеют. Объединяют в основном футбольных фанатов, поэтому массовые драки, нападения на людей с «неславянской» внешностью связаны в основном с проигрышами «собственной» команды на футбольных матчах. Молодых людей, придерживающихся ультраправых взглядов, в Москве немного, по мнению социологов, их насчитывается всего несколько сотен человек. Большинство скинхедов не способно глубоко вникнуть в идеологические вопросы, молодые люди играют, с удовольствием участвуя в уличных беспорядках, избивая «чужих», представляя себя патриотами.

Свою лепту в создание напряженности вносят СМИ, где публикуются материалы, усиливающие антипатию к мигрантам, порождающие чувство постоянной тревоги, иногда и паники. Статьи бывают чересчур эмоциональны, односторонни, порой с апокалипсическим «надрывом». Издателям и журналистам необходимо быть более осторожными в «подаче» материала, подходить к ситуации объективно, рассматривать всесторонне и как бы «со стороны», предоставляя читателям самим разобраться в происходящем. Ведь массовые драки молодежи и случающиеся при этом убийства и серьезные увечья не всегда связаны с этнической неприязнью. А взрывы торговых палаток кавказцев или китайцев на рынках, как признаются сами исполнители, устраиваются по заказам конкурентов.

Московское правительство, правоохранительные органы принимают определенные меры для решения проблем мигрантов. В столице, по неофициальным данным, учится

порядка 100 тыс. детей приезжих. Департамент образования столицы готовит и реализует программы по адаптации детей родителей-нероссиян. В общеобразовательных школах, где много детей мигрантов, работают группы «Русский язык как иностранный». С 1991 года стали открываться школы с этнокомпонентом, однако таких школ в городе недостаточно. Многие дети учатся совместно с детьми москвичей в обычных школах. Учителя бьют тревогу относительно поведения школьников-кавказцев. Их этническая идентификация связана только со своим этносом или регионом, дети не осознают, что находятся в поликультурной среде, где необходимо приспособиться к иным нормам, к иному укладу жизни. Есть случаи объединения детей-азербайджанцев, армян в «кланы» и их вражды между собой. В школы привносятся иные «понятия»: дети не желают выполнять школьные правила, огрызаются в ответ на замечания учителей, многие даже пожилых учителей называют на «ты» [16]. Дети воссоздают модели поведения своих родителей: неуважение традиций и невыполнение институциональных норм есть результат социализации в семье.

Порой нагнетание обстановки и даже провокация конфликтов осуществляются преднамеренно и выгодны сегодняшним властям, так как являются способом отвлечения от реальных проблем, профилактикой более серьезных социальных конфликтов, которые были бы направлены против существующей власти, прикрытием безразличия государства как к гражданам своей страны, так и к мигрантам. Мигранты чувствуют себя ущемленными в реализации своих прав, отсюда враждебное отношение к москвичам, в целом к русским. Москвичи же обвиняют мигрантов в своих бедах: переполненности столицы, перегруженности транспорта, грязи на улицах, вспышках гепатита, возрастании уровня преступности и т.д., хотя не однажды уже обсуждался вопрос о том, что Москва в современных условиях обойтись без мигрантов не может.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в октябре 2009 года, две трети москвичей поддерживает ограничение притока иностранной рабочей силы. 36% опрошенных считает

межнациональные отношения в Москве напряженными, 15% – конфликтными. Наиболее склонны к такой оценке 35–44-летние жители, те, кому 60 лет и старше (по 52%).

Привлечение рабочей силы само по себе агрессии не вызывает. Москве не хватает рабочих рук. Низкая рождаемость среди русских создает напряженность на рынке труда, особенно на рынке неквалифицированной рабочей силы. Без помощи мигрантов столице не обойтись. Но власть не контролирует потоки мигрантов, миграционное законодательство не всегда соблюдается.

Главная причина межнациональных конфликтов – в продажных коррумпированных чиновниках и МВД, считают многие москвичи. Власть позволяет приезжим вести себя вызывающе по отношению к коренным жителям, не уважать обычаи земли, где они приобрели кров и работу.

Как решать проблему дружественного, бесконфликтного взаимодействия, обеспечить принятие друг друга людьми разных культур, ведь этнические чувства иррациональны, а стереотипы поведения очень устойчивы? Прежде всего, улучшением экономической ситуации. Повышением заработной платы и созданием достойных условий для жизни. Ведь именно нищета, обездоленность порождают зависть, агрессию, злобу против других людей, возможно, таких же бедных, но воспринимаемых как претенденты на ограниченные ресурсы. К этому надо прибавить воспитание, создание ситуации доброжелательности, демонстрацию примеров разумной терпимости.

На современном этапе нациестроительства, формирования новой российской идентичности вопрос о возможности использования принципов мультикультурализма необходимо вынести на широкое обсуждение. Среди этих принципов: сохранение и поддержание существующего культурного плюрализма; признание и защита прав меньшинств; отказ от шовинизма, ксенофобии, этнической и религиозной предвзятости и воспитание уважения и терпимости между этническими группами; ориентация на интеграцию в единое политическое сообщество, отказ от этноцентризма и этнонигилизма в политических решениях и действиях.

Литература:

- 1 Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006, с. 17, 18.
- 2 П. Штомпка Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005, сс. 248-249.
- 3 Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. с. 189, 229, 249
- 4 Здоровец Я.И., Мухин А.А. Диаспоры и землячество: вопросы влияния. М., 2005. с.5.
- 5 Там же, с. 50.
- 6 Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. с. 238, 239, 240..
- 7 Дробижева Л.М. Штрихи к этносоциальному портрету москвичей. // Вестник Института Кеннана в России. Вып.10. М., 2006. с.25.
- 8 Там же.
- 9 Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. с.241.
- 10 Дробижева Л.М. Штрихи к этносоциальному портрету москвичей. с. 26.
- 11 Там же.
- 12 Там же, с.27.
- 13 Там же.
- 14 Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. с.223
- 15 «Аргументы и факты», 2006, № 38.с.8
- 16 «Аргументы и факты», 2006, № 41, с.24

*Леонтьев Михаил Георгиевич,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии МГСУ*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

Сегодня множество факторов, таких, как интернационализация социально-экономических и политических аспектов жизни, глобализация мировой экономики, средства массовой информации, процессы миграции способствуют тому, что всё большее число людей вовлекается в различные формы межэтнического взаимодействия. Всё это обуславливает рост значимости этнической идентичности. Для многих народов, для людей разных поколений одними из самых притягательных жизненных ценностей являются национальная культура и солидарность со своей этнической общностью [6].

Нередко межкультурные контакты осложняются, становятся малоэффективными и сопровождаются обострением межэтнической напряжённости в силу различий этнокультурного характера. К сожалению, неизбежными следствиями роста межкультурного взаимодействия являются непонимание и конфликты, поэтому сегодня возрастает потребность в изучении способов их предотвращения, мониторинга, разрешения. Вместе с тем, при всём многообразии концепций конфликта в настоящее время уделяется мало внимания анализу того, как и почему различия между культурами приводят к предпочтению тех или иных способов поведения в конфликтах.

С одной стороны, различия в особенностях культуры отдельных людей, групп, стран могут создавать барьеры при взаимодействии, предубеждения и порождать поведение, которое уменьшает шансы, что конфликты будут урегулированы, а переговоры о конфликтных интересах, убеждениях и ценностях будут конструктивными [22]. С другой стороны, рассмотрение особенностей культуры предоставляет широкие возможности для поиска разделяемых ценностей и взаимопонимания с целью урегулирования конфликтов,

сторонами которых являются представители разных народов [6].

Развитие представлений о способах поведения в конфликтных ситуациях и выхода из них, межкультурной конфликтной компетентности позволяет преодолеть многие трудности в различных ситуациях межкультурного взаимодействия. Особую значимость приобретает проблема изучения влияния межкультурных различий на выбор способов разрешения межличностного конфликта. Указанная проблема имеет сугубо практическое значение, так как её разрешение, хотя и не позволяет описать и предсказать поведение в конфликте отдельного индивида, в то же время предоставляет возможность развить у членов межкультурного сообщества межкультурную конфликтную компетентность – представления о способах поведения людей в конфликтных ситуациях и выхода из них.

Культура является основой и одновременно результатом поведения, она определяет линию поведения человека, ограничивая его определёнными рамками. Усилия многих учёных были направлены на то, чтобы найти такие особенности, или «измерения», культуры, которые охватывали бы наиболее значимые её аспекты. Это позволило бы преодолеть трудности, возникающие при межкультурном взаимодействии.

У. и К. Стефаны выделили 11 измерений культур, используя которые, можно составить довольно полное представление о той или иной культуре: 1) индивидуализм/коллективизм; 2) степень толерантности к отклонениям от принятых норм; 3) степень избегания неопределённости; 4) маскулинность/фемининность; 5) оценка природы человеческого существа как «хорошей», «дурной» или «смешанной»; 6) сложность самой культуры; 7) эмоциональный контроль; 8) близость контактов или допустимые во время общения дистанции и прикосновения; 9) дистанция между индивидом и властью; 10) высокая/низкая контекстность; 11) дихотомия человек/природа, или степень господства человека над природой [27].

Г. Хофстед предложил следующие измерения культуры: дистанция по отношению к власти; индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность,

избегание неопределённости [19]. Позднее он добавил ещё одно измерение – ориентация на долговременные или краткосрочные отношения, или «конфуцианский динамизм» Г. Хофстед объединил их в пятифакторную модель различий, обусловленных культурами [20].

Несмотря на то, что немалое количество теорий и концепций разработано для понимания и объяснения различий между культурами, измерение «индивидуализм/коллективизм», по мнению большинства исследователей, наилучшим образом олицетворяет культурные различия и считается главным измерением культуры теоретиками из многих дисциплин. Это измерение очень широко используется при проведении сравнительно-культурных исследований как ключевое при определении различий между культурами в социальных отношениях и изменениях [21, 23, 25, 26, 29, 32].

Главным признаком коллективистской культуры является то, что индивиды приводят свои цели в соответствие с целями коллектива, который обычно является стабильной ин группой, и чаще всего цели индивидов и цели коллектива совпадают. В коллективистских культурах у индивида немного групп членства, отношение индивида к «своей» группе отличается большой эмоциональной привязанностью, индивиды гордятся достижениями своей группы как собственными. Даже если «своя» группа предъявляет к индивиду очень высокие требования, он будет стремиться выполнять их. В коллективистских культурах требования индивида к группе – диффузные, «Я» определяется с точки зрения группового членства, а социальная идентичность ярче выражена, чем личностная; большое значение имеют традиции, послушание, чувство долга, стремление «быть как все». Поведение людей в большей степени регулируется групповыми нормами, чем социальными установками. Люди чувствуют себя свободно и более открыты внутри «своей» группы, чем вне её, влияние «своей» группы на поведение индивидов широкое и глубокое; в то же время они проявляют отчуждение от членов других групп. В коллективистских культурах самыми важными отношениями являются вертикальные (родитель-ребенок). Взаимозависимость между родителем и ребенком – максимальна [29, 30].

Результаты исследований различных коллективистских культур свидетельствуют, что их представители чётко различают членов своей группы и чужих групп, происходящие события они склонны рассматривать с точки зрения групповой принадлежности. Важное различие между индивидуалистическими и коллективистскими культурами состоит в подчёркивании коллективистами места в своих группах [30].

Стыд и другие механизмы социального контроля (в том числе религиозная вера) используются шире в коллективистских культурах, чем механизмы внутреннего контроля, например, вина, которая чаще используется в индивидуалистических культурах [29].

Общинность и коллективизм были распространены в русской культуре задолго до социалистического строя и вошли в плоть и кровь русского народа. Все важные вопросы, в том числе личные и семейные, решались сообща. Принцип взаимной поддержки играл очень важную роль, иногда становясь важнее инстинкта самосохранения. Система социального равенства внутри общины не давала упасть слабым, в общине не было нищеты, но она же мешала подняться сильным [8].

Индивидуализм отражает эмоциональную независимость индивида от групп членства и коллективов. Каждый индивид стремится быть независимой единицей, способной жить вне группы. В индивидуалистических культурах у индивида гораздо больше групп членства (семья, сотрудники, члены клуба) по сравнению с коллективистическими, и чаще всего поведение индивида обусловлено личными целями, которые опосредованы через различные группы. Требования к ин группам со стороны индивидов сильно сегментированы; «своя» группа влияет на поведение людей узко, поверхностно, специфически. Индивиды часто покидают те группы, которые не удовлетворяют их запросам, и переходят в другие.

В индивидуалистических культурах горизонтальные отношения (супруги, коллеги, друзья) важнее, чем вертикальные (родители – дети). В семейных отношениях выражена эмоциональная дистанция, независимость, дети стремятся жить

своей жизнью. Представители индивидуалистических культур характеризуются свободой в поступках, самостоятельностью, самодостаточностью, стремлением отличаться от всех и властвовать над окружающими; их поведение в большей степени регулируют социальные установки, чем социальные нормы; личностная идентичность преобладает над социальной [29].

Исследователями было установлено, что индивидуалисты стремятся к достижению поставленных целей самостоятельно, для них характерна независимость, эмоциональная дистанцированность от «своих» групп, они гордятся личными достижениями, а групповые достижения не всегда считают своими, и не всегда интересуются проблемами «своих» групп [30].

В серии исследований было установлено, что индивидуалисты предпочитают способы ведения переговоров при разрешении конфликтов, ориентированные на максимизацию их собственных результатов; для них важнее всего автономность, доминирование, контроль, разрешение проблем, сохранение лица. Коллективисты предпочитают более пассивные способы ведения переговоров, избегают открытых столкновений [21].

В настоящее время в мире происходит культурный сдвиг в сторону индивидуализма. Большинство современных культур являются индивидуалистическими. Свою роль сыграли стремительные общественные перемены, глобализация, индустриальная революция, «шок будущего» [13].

Ряд авторов считает, что не следует рассматривать индивидуализм и коллективизм как чистую дихотомию в различных контекстах взаимодействия [29]. Г. Триандис ввёл дополнительную классификацию культур, на основе двух типов социальных отношений – горизонтальных и вертикальных. В её основе лежат такие характеристики личности: зависимость/независимость от других членов общества; похожесть/непохожесть на других членов общества; наличие иерархии в структуре общества. Вертикальное деление предполагает иерархическую структуру, соподчинение. Горизонтальное деление предполагает отношения индивидов равного статуса [29].

Проводились исследования с использованием следующих четырёх типов культур: 1) горизонтальный коллективизм, характеризующийся высокой степенью значимости групп членства для индивида, – индивид не подчинён группе, отсутствует строгая иерархия; 2) вертикальный коллективизм, в котором присутствует чётко выраженная иерархия, индивид готов пожертвовать собой ради группы; 3) горизонтальный индивидуализм, когда индивиды действуют, исходя из собственных интересов, каждый сам по себе; 4) вертикальный индивидуализм, когда индивид сравнивает себя с другими, стремится быть самым лучшим [31]. Например, Г. Триандис и М. Гелфанд установили, что у американцев значимой оказалась выраженность горизонтального и вертикального индивидуализма, вертикальный индивидуализм преобладал над горизонтальным [31].

Исследования последних лет зафиксировали изменения в русской культуре, обусловленные происходящими в нашем обществе реформами. В 1990-е гг. произошла трансформация ценностных структур и национального самосознания [1,3]. Налицо сдвиг от коллективизма к индивидуализму, признаки коллективистской культуры в России стали менее выражены, усиливаются признаки индивидуалистической культуры [14, 16, 24]. Современные данные свидетельствуют об изменении положения России на большинстве шкал измерений культур [16, 24].

При наличии большого количества концепций культуры и конфликта, в настоящее время уделяется мало внимания тому, как и почему различия между культурами приводят людей к предпочтению тех или иных способов поведения в конфликтных ситуациях. В то же время существует много исследований, разрабатывающих эмпирические подходы к пониманию межкультурных различий в способах конфликтного поведения, в основном, в способах их урегулирования.

За рубежом было проведено немало исследований, в которых проверялось влияние различий, обусловленных измерениями культуры, на способы разрешения конфликтов. Большинство авторов в качестве ключевого измерения культуры,

объясняющего способы конфликтного поведения, использует индивидуализм/ коллективизм [29].

Очень часто при объяснении способов поведения участников межличностного конфликта — представителей коллективистских и индивидуалистических культур — используется модель двойной заинтересованности. В основе этой модели, которая берёт начало от управленческой решётки Дж. Блейка и Р. Мутона, лежат два независимых фактора: забота об интересах другой стороны конфликта (кооперация) и о собственных интересах (настойчивость). Указанная модель связана с моделью К. Томаса, рассматривающей стратегии поведения людей в конфликтных ситуациях. Модель двойной заинтересованности рассматривает четыре прямых способа управления конфликтами: соревнование (конкуренция), кооперация (сотрудничество), избегание (уход, уклонение) и уступка (приспособление). Модель двойной заинтересованности объясняет каждый способ как сочетание высокой/низкой заботы о собственных интересах и высокой/низкой заботы об интересах оппонента. Поскольку данную модель используют многие авторы в своих исследованиях, в литературе встречаются разные названия для обозначения параметров модели [9].

Участник межличностного конфликта, применяющий соревнование, весьма активен и предпочитает идти к разрешению конфликта своим путём. Он не очень заинтересован в сотрудничестве с другими людьми, зато способен на волевые решения. Данный способ может быть эффективен при наличии определённой власти, в противном случае можно потерпеть неудачу. Соревнование можно эффективно использовать в следующих ситуациях: 1) исход очень важен, и сделана большая ставка на собственное решение возникшей проблемы; 2) решение необходимо принять быстро, и имеется достаточная власть для этого; 3) когда нет иного выбора, и нечего терять; 4) возникла критическая ситуация, которая требует мгновенного реагирования [11].

Избегание как способ управления конфликтами означает уход от проблемы, игнорирование её, перекладывание ответственности за её решение на оппонента. Избегание можно эффективно использовать, когда затрагиваемая проблема не

столь важна, когда человек не хочет тратить силы на её решение или когда чувствует, что находится в безнадёжном положении. Данный способ можно рекомендовать в тех случаях, когда человек чувствует себя неправым и предчувствует правоту оппонента или когда оппонент обладает большей властью. Всё это — серьёзные основания для того, чтобы не отстаивать собственную позицию.

Избегание может оказаться подходящим способом в случае, когда нужно общаться со сложным человеком, и нет серьёзных оснований для продолжения контактов с ним. Этот подход может быть полезным, если человек пытается принять решение, но не знает, как это сделать, и принимать решение сейчас же нет необходимости; или когда он чувствует, что информации для решения конкретной проблемы недостаточно [11].

]. Несмотря на то, что избегание может показаться «бегством» от проблем и от ответственности, в действительности уход или отсрочка могут быть вполне подходящей и конструктивной реакцией на конфликтную ситуацию. Вполне вероятно, что если постараться игнорировать конфликтную ситуацию, не выражать к ней своё отношение, уйти от решения, сменить тему или перенести внимание на что-нибудь другое, то конфликт разрешится сам собой. Если нет, то можно заняться им позже, когда будет большая готовность к этому.

Приспособление как способ управления конфликтами предполагает, что человек не пытается отстаивать собственные интересы в конфликте. Таким образом, их приносят в жертву в пользу оппонента. Данный способ оправдан, когда исход дела чрезвычайно важен лишь для оппонента; или невозможно одержать верх, поскольку оппонент обладает большей властью. Приспособление будет оправдано, если вклад в данную проблему не слишком велик или делается не слишком большая ставка на положительное решение проблемы; если есть уверенность, что небольшая уступка не повредит собственным интересам; или же в данный момент необходимо несколько смягчить ситуацию. Можно использовать период затишья для того, чтобы выиграть время, а потом добиться окончательного желательного для себя решения.

Сотрудничество как способ управления конфликтами можно

охарактеризовать как дружеский, мудрый подход к решению задачи определения и удовлетворения интересов обеих сторон. Однако сотрудничество требует определённых усилий: обе стороны должны выделить некоторое время, они должны уметь объяснить свои желания, выразить свои нужды, выслушать друг друга и затем выработать альтернативные варианты и решения проблемы. Отсутствие одного из этих элементов делает такой способ неэффективным. Сотрудничество является самым трудным способом управления конфликтами, однако оно позволяет выработать наиболее удовлетворяющее обе стороны решение в сложных и важных конфликтных ситуациях.

Сотрудничество может быть эффективным, если: 1) решение проблемы очень важно для обеих сторон, и ни одна не хочет полностью от него устраниваться; 2) между сторонами существуют тесные, длительные и взаимозависимые отношения; 3) есть время для работы над возникшей проблемой; 4) обе вовлечённые в конфликт стороны обладают равной властью; 5) обе стороны имеют различные скрытые нужды или интересы. Способ сотрудничества побуждает каждую сторону к открытому обсуждению её нужд и желаний [9, 26].

К четырём указанным способам часто добавляют ещё один – компромисс, место которого пока не определено достаточно чётко. Компромисс занимает промежуточное положение среди способов управления конфликтами. В ранних работах К. Томаса и соавторов компромисс занимает центральное место, он равноудалена от остальных четырёх способов [9]. Отметим, что ряд современных исследователей поместили компромисс между сотрудничеством и приспособлением, вдалеке от избегания и соперничества. Д. Пруйт рассматривает компромиссный стиль как результат сильной заинтересованности одной стороны в успехах другой в сочетании с умеренной заинтересованностью в собственных успехах [26]. Некоторые авторы вместо компромисса иногда добавляют два способа – посредничество и консультацию [25].

Суть компромисса в том, что обе стороны конфликта немного поступают своими интересами, чтобы удовлетворить их в остальном, обмениваются уступками и торгуются для разработки компромиссного решения. Такие действия могут

отчасти напоминать сотрудничество. Однако компромисс достигается на более поверхностном уровне, по сравнению с сотрудничеством; в результате взаимных уступок можно прийти к совместному решению. Компромисс наиболее эффективен в тех случаях, когда обе стороны конфликта хотят одного и того же, но знают, что одновременно это для них невыполнимо. Если целью сотрудничества является выработка долгосрочного взаимовыгодного решения, то в случае компромисса это может быть сиюминутный подходящий вариант. Компромисс наиболее эффективен, если: 1) обе стороны обладают одинаковой властью и имеют взаимоисключающие интересы; 2) требуется быстро принять решение из-за нехватки времени; 3) устраивает временное решение, получение кратковременной выгоды; 4) другие подходы к решению проблемы оказались неэффективными; 5) первоначальная цель имеет не слишком большое значение, и её можно несколько изменить; 6) лучше получить хоть что-то, чем всё потерять, требуется сохранить взаимоотношения [11].

Компромисс часто является удачным отступлением или даже последней возможностью прийти к какому-либо решению. В идеальном варианте компромисс устроит обе стороны.

Каждый из способов управления конфликтами эффективен только в определённых условиях и ни один из них не может быть определён как наилучший. В принципе, нужно уметь эффективно использовать каждый из них и сознательно делать тот или иной выбор, учитывая конкретные обстоятельства. Это позволяет индивиду быть более свободным в выборе при столкновении с конкретными конфликтными ситуациями.

Результаты множества исследований свидетельствуют, что представители индивидуалистических культур предпочитают те подходы к урегулированию межличностных конфликтов, которые характеризуются первоочередным вниманием к достижению собственных интересов, такие, как соревнование, тогда как коллективисты, стремясь сохранить гармонию в группе, либо уклоняются от конфликта, предпочитая избегание, либо уступают другой стороне [18, 23, 28].

Исследователи подтверждают, что представители коллективистских культур чаще избирают такой подход к

урегулированию конфликта, который не предполагает открытой конфронтации с оппонентом, а характеризуется стремлением сохранить гармоничные отношения между участниками конфликта. Для того, чтобы избежать конфронтации и спасти лицо, коллективисты чаще, чем индивидуалисты, используют обман и хитрость. В целом, поведение коллективистов определяется как модель сохранения гармонии, а поведение индивидуалистов – как конфронтационная модель [7].

Вместе с тем, необходимо учитывать, что представители коллективистских культур проявляют стремление сохранить добрые отношения прежде всего при взаимодействии с членами «своей» группы. В случае возникновения конфликта с представителями «чужой» группы коллективисты не всегда пытаются уйти от него [12].

Исследователи отмечают, что ситуация межличностного взаимодействия – конфликт с другом или с посторонним человеком – больше влияет на способы разрешения конфликта у коллективистов, чем у индивидуалистов [32].

При возникновении конфликта между представителями коллективистских и индивидуалистических культур на успешность его разрешения могут повлиять межкультурные различия, особенно в том случае, когда противостоящие стороны не обладают достаточными знаниями друг о друге [23]. Разрешение межличностных конфликтов с участием представителей разных культур менее успешно, чем в случае конфликта между представителями одной культуры [15].

Д. Кей и Э. Финк провели исследование межкультурных различий с целью выявить рейтинг способов разрешения конфликта. Представители индивидуалистических и коллективистских культур по-разному понимали смысл практически всех способов разрешения конфликта, за исключением соревнования – его смысл все понимали одинаково [17].

Представители разных культур различаются по предпочтению посредничества и консультации. Представители коллективистских культур заботятся о поддержании гармонии внутри своей группы, стремятся скрывать внутригрупповые конфликты, «не выносить сор из избы» [28, 29]. В. Пирсон и У.

Стефан установили, что между представителями индивидуалистических и коллективистских культур в различных ситуациях конфликта (деловое и дружеское общение) отсутствовали различия в предпочтении посредничества. Индивидуалисты чаще прибегали к консультации, чем коллективисты, в конфликте с другом, но у них не было значимых различий в предпочтениях консультации в деловом конфликте [25].

Автором было проведено сравнительно-культурное исследование моделей конфликта в России и Великобритании среди студентов технических вузов, в два этапа.

На предварительном этапе были выявлены межкультурные различия между русской и английской выборками. Был измерен уровень вертикального/горизонтального индивидуализма / коллективизма, проанализированы особенности Я–концепции.

Вначале были выявлены различия в степени выраженности горизонтального индивидуализма, вертикального индивидуализма, горизонтального коллективизма и вертикального коллективизма между русской и английской выборками с помощью методики INDCOL. При обработке результатов был использован t-критерий Стьюдента [4].

В Таблице 1 приведены данные сравнения русской и английской выборок по методике INDCOL.

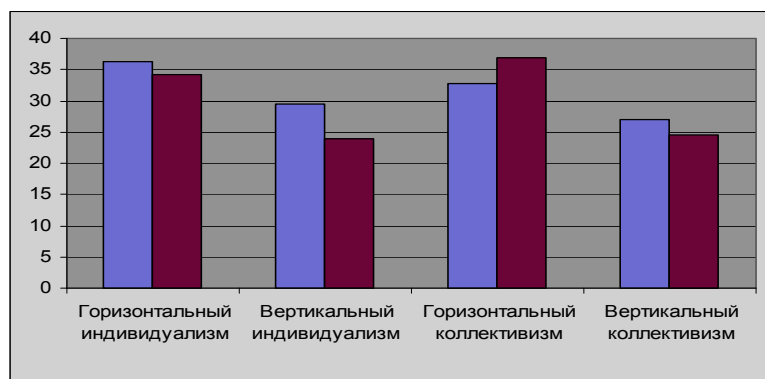
Таблица 1. Сравнение русской и английской выборок по вертикальному/горизонтальному индивидуализму/коллективизму.

	среднее (рус.)	среднее (анг.)	t-кр.	df	p
горизонтальный индивидуализм	36,38	34,19	2,98	82	0,003
вертикальный индивидуализм	29,39	23,85	5,99	82	0,0001
горизонтальный коллективизм	32,81	36,93	-5,5	82	0,0001

вертикальный коллективизм	26,98	24,44	-3,66	82	0,0001
---------------------------	-------	-------	-------	----	--------

Критические значения критерия t при $df=82$ составляют: $t = 1,66$ при $p \leq 0,05$ и $t = 2,37$ при $p \leq 0,01$.

На гистограмме ниже показаны данные русских (левый столбик) и англичан (правый).

Как следует из Таблицы 1, у русских респондентов горизонтальный индивидуализм, вертикальный индивидуализм и вертикальный коллективизм оказались существенно более выражены по сравнению с аналогичными показателями английских респондентов. А горизонтальный коллективизм был существенно более выражен у английских респондентов по сравнению с русскими.

Результаты, представленные в Таблице 1, кажутся неоднозначными. Чтобы получить более полную информацию, было проведено сравнение общих показателей индивидуализма/коллективизма и горизонтальности/вертикальности как между двумя выборками, так и внутри каждой выборки, с использованием t-критерия Стьюдента [4]. Для этого сравнения были использованы полученные с помощью методики INDCOL данные. Соответственно, каждый из четырёх показателей:

индивидуализм, коллективизм, горизонтальный и вертикальный аспект измерялся с помощью двух шкал.

Результаты сравнения индивидуализма и коллективизма между двумя выборками представлены в Таблицах 2 и 3:

Таблица 2. Сравнение индивидуализма и коллективизма между выборками.

	русские	англичане	t-кр.	df	p
индивидуализм	32,88	29,02	5,53	566	0,0001
коллективизм	29,9	30,69	-1,23	566	0,2177

Таблица 3. Сравнение горизонтальности и вертикальности между выборками.

	русские	англичане	t-кр.	df	p
горизонтальность	34,6	35,56	-1,76	566	0,08
вертикальность	28,18	24,15	6,9	566	0,0001

Критические значения критерия t были вычислены с помощью статистического пакета обработки данных SPSS 11.0 for Windows, при $df=566$ они составляют: $t = 1,65$ при $p \leq 0,05$ и $t = 2,33$ при $p \leq 0,01$.

Таким образом, индивидуализм в русской выборке оказался более выражен, чем в английской. По степени выраженности коллективизма между двумя выборками не было обнаружено значимых различий (см. Табл. 2). Результаты сравнения общих показателей индивидуализма и коллективизма у русских и английских респондентов могут показаться неожиданными, однако они подтвердили предположение, что в русской культуре идут процессы трансформации, которые вызвали сдвиги от

коллективизма к индивидуализму. По крайней мере, в ментальности московских студентов присутствуют и элементы индивидуализма, и элементы коллективизма. В ответах английских респондентов проявился некоторый уклон в сторону коллективизма, что, видимо, объясняется особенностями возраста и студенческой среды.

Вертикальный аспект был больше выражен у русских респондентов, чем у английских (см. Табл. 3). Возможно, это связано с ностальгией по сильной власти и порядку и с глубокими, исторически сложившимися в русской культуре патерналистскими установками. Многие исследователи отмечали, что сильная, вертикальная власть соответствует русской ментальности и культурным традициям [2,8]. По горизонтальному аспекту между двумя выборками не было обнаружено значимых различий (см. Табл. 3).

Далее были выявлены различия общих показателей индивидуализма/коллективизма и горизонтальности/вертикальности внутри выборок, с применением t-критерия Стьюдента [4]. Результаты представлены в Таблицах 4 и 5:

Таблица 4. Сравнение индивидуализма/коллективизма внутри выборок.

	индивидуализм	коллективизм	t-кр.	df	p
русские	32,88	29,9	6,06	810	0,0001
англичане	29,02	30,69	-1,96	322	0,0512

Таблица 5. Сравнение горизонтальности/вертикальности внутри выборок.

	горизонтальность	вертикальность	t-кр.	df	p
русские	34,6	28,18	14,23	810	0,0001
англичане	35,56	24,15	19,86	322	0,0001

Критические значения критерия t были вычислены с помощью статистического пакета обработки данных SPSS 11.0 for Windows, они составляют: $t = 1,65$ при $p \leq 0,05$ и $t = 2,34$ при $p \leq 0,01$ ($df=322$); $t = 1,65$ при $p \leq 0,05$ и $t = 2,33$ при $p \leq 0,01$ ($df=810$).

Внутри русской выборки индивидуализм был выражен сильнее, чем коллективизм (см. Табл. 4). Горизонтальный аспект индивидуализма / коллективизма был выражен сильнее, чем вертикальный, внутри каждой выборки (см. Табл. 5).

Итак, индивидуализм у русских не только проявился сильнее, чем у англичан, но и внутри самой русской выборки индивидуализм был выражен сильнее, чем коллективизм (см. Табл. 4). Представляется, что это свидетельствует о значительной трансформации менталитета российской молодёжи. Указанная трансформация вызвана тем, что Россия в настоящее время переживает переходный период, сопровождаемый социальной нестабильностью, от исторически сложившегося «общинного» сознания, от отношений «чистого» горизонтального коллективизма, которые культивировались в советские времена, к более индивидуальному сознанию западного типа, которое приветствует конкурентоспособность и личные заслуги каждого.

Внутри английской выборки при сравнении общих показателей индивидуализма и коллективизма не было обнаружено значимых различий (см. Табл. 4). Такой результат, как представляется, скорее вызван коллективистскими установками студенчества, чем смещением английской культуры в сторону коллективизма.

Горизонтальное измерение культуры внутри каждой выборки проявилось сильнее, чем вертикальное (см. Табл. 5). Помимо этого, между русской и английской выборками не было обнаружено значимых различий по горизонтальному измерению (см. Табл. 3) и по общему показателю коллективизма (см. Табл. 4). Возможно, причину этого следует искать в особенностях группового самосознания как русских, так и английских студентов, которое поощряет проявления коллективизма, а также в преобладании горизонтальных отношений в студенческих группах над вертикальными.

Таким образом, в современной русской культуре присутствуют и элементы индивидуализма, и элементы коллективизма, что связано с процессами трансформации культуры. Об этом свидетельствуют данные многих современных исследований [6, 20, 24]. Чтобы подтвердить или опровергнуть сделанные выводы, были проанализированы ответы теста «Кто Я», проведённого в обеих выборках.

Был составлен рейтинг ответов русских и английских респондентов; 10 ответов, которые встречались наиболее часто, даны в Таблице 6. Указан рейтинг ответов (слева), а также частота ответа в количественном и процентном выражении (% от количества респондентов в выборке).

Таблица 6. Данные теста «Кто Я».

Русские	Англичане
добрый – 115 (56,65%) общительный (коммуникабельный) – 86 (42,36%)	студент – 48 (50%) компьютерщик (специалист по компьютерной технике) – 31 (32,29%)
умный - 65 (32,02%) целеустремлённый – 38 (18,72%) отзывчивый – 38 (18,72%)	человек – 28 (29,17%) независимый – 23 (23,96%) индивидуальный – 22 (22,92%)
студент – 36 (17,73%) человек – 29 (14,29%) весёлый – 24 (11,82%)	лояльный – 18 (18,75%) честный – 16 (16,67%) руководитель – 15 (15,63%)
ленивый – 24 (11,82%) трудолюбивый – 23 (11,33%)	твёрдый – 15 (15,63%) мужчина – 15 (15,63%)

Из Таблицы 6 видно, что в ответах русских респондентов преобладают личностные качества: добрый – 56,65% (1) – здесь

и далее в скобках указан рейтинг ответа; общительный (коммуникабельный) – 42,36% (2); умный – 32,02% (3); целеустремлённый – 18,72% (4); отзывчивый – 18,72% (5). Среди первых десяти ответов русских респондентов только два являются социальными характеристиками: студент – 17,73% (6); человек – 14,29% (7), а остальные – личностными качествами. В целом, в ответах русских респондентов личностных качеств, в числе которых пять самых распространённых ответов, гораздо больше, чем социальных характеристик, и практически нет физических характеристик.

Из Таблицы 6 также видно, что среди первых десяти ответов английских респондентов пять являются социальными характеристиками: студент – 50% (1); компьютерщик (специалист по компьютерной технике) – 32,29% (2); человек – 29,17% (3); руководитель – 15,63% (8); мужчина – 15,63% (10), а остальные пять – личностные качества, которые выражены слабее и имеют более низкий рейтинг: независимый – 23,96% (4); индивидуальный – 22,92% (5); лояльный – 18,75% (6); честный – 16,67% (7); твёрдый – 15,63% (9). В целом, социальные характеристики, которыми являются три самых распространённых ответа в английской выборке, преобладают над личностными качествами, а физических характеристик очень мало.

Эти данные можно сопоставить с результатами, полученными по индивидуализму/коллективизму: преобладание в ответах личностных качеств типично для индивидуалистов, а преобладание в ответах социальных характеристик – для коллективистов.

В то же время в ответах англичан присутствовали качества, которые явно указывают на индивидуалистический тип культуры, данные качества имеют высокий рейтинг: независимость – 23,96% (4) и индивидуальность – 22,92% (5). Такие ответы практически не встречались у русских респондентов.

В целом результаты теста «Кто Я» созвучны данным, полученным с помощью опросника INDCOL. Они подтверждает вывод о том, что современная русская культура сочетает и черты индивидуализма, и черты традиционного русского

коллективизма. Несмотря на то, что в ответах английских респондентов обнаружилось некоторые особенности, характерные для представителей коллективистской культуры, немало и таких, которые типичны для индивидуалистической культуры.

На основном этапе исследования было проведено сравнение способов разрешения межличностного конфликта у русских и английских студентов, в двух контекстах взаимодействия: дружеское и деловое общение.

Обработка результатов была проведена с использованием критерия F (2x2) – двухфакторного дисперсионного анализа и критерия Стьюдента [4, 10].

Для подтверждения того факта, что индивидуализм/коллективизм, вертикальность/горизонтальность, оказывают независимое влияние на различия в предпочтениях способов разрешения конфликта, применялся двухфакторный дисперсионный анализ для несвязанных выборок – F(2x2). Он позволяет оценить влияние двух факторов, как в отдельности, так и во взаимодействии [10].

Вначале в обеих выборках проводилась проверка влияния вертикального/горизонтального индивидуализма/ коллективизма на предпочтения способов разрешения конфликта.

Русская выборка четыре раза была поделена на две равные части, по медиане, в зависимости от выраженности показателей индивидуализма/коллективизма: горизонтального индивидуализма, вертикального индивидуализма, горизонтального коллективизма и вертикального коллективизма. Далее анализировалось влияние уровня указанных показателей на способы разрешения конфликта соответствующих респондентов. Первым фактором, который подвергался анализу, был показатель индивидуализма/коллективизма, каждый из четырёх, указанных выше (градации: низкий и высокий уровень). Высокий уровень показателя соответствует значениям больше медианы, низкий – значениям меньше медианы.

Критические значения критерия F были подсчитаны с помощью статистического пакета обработки данных SPSS 11.0

for Windows [5] и составляют: $F(1, 404) = 3,86$ при $p \leq 0,05$; $F(1, 404) = 6,7$ при $p \leq 0,01$.

В результате анализа было установлено, что показатели вертикального/горизонтального индивидуализма/коллективизма по-разному влияли на выбор русскими респондентами способов разрешения конфликта.

Уровень горизонтального и вертикального индивидуализма, а также уровень горизонтального коллективизма оказывал значимое влияние только на предпочтение русскими респондентами соревнования ($F = 7,37; 24,7; 19,27$), но не оказывал значимого влияния на предпочтение остальных способов разрешения конфликта. Уровень вертикального коллективизма оказывал существенное влияние на предпочтения всех шести способов разрешения конфликта ($F = 31,57; 56,69; 19,24; 22; 36,06; 47,95$), соответственно для соревнования, сотрудничества, избегания, приспособления, посредничества и консультации.

Обработка данных, полученных на английской выборке, была проведена с использованием критерия F (2x2) тем же способом, что и для русской выборки. Критические значения критерия F были вычислены с помощью статистического пакета обработки данных SPSS 11.0 for Windows [5] и составляют: $F(1, 178) = 3,89$ при $p \leq 0,05$; $F(1, 178) = 6,78$ при $p \leq 0,01$.

Показатели горизонтального/ вертикального индивидуализма/коллективизма по-разному влияли на предпочтение английскими респондентами способов разрешения конфликта.

Уровни горизонтального вертикального индивидуализма/коллективизма оказывали сильное влияние на предпочтение английскими респондентами практически всех способов разрешения конфликта: соревнования, сотрудничества, избегания, приспособления и консультации по всем четырём вариантам анализа. На предпочтение английскими респондентами избегания значимо не влиял только горизонтальный коллективизм. Как уже обсуждалось ранее, русские и англичане меньше предпочитали избегание по сравнению с другими основными способами разрешения конфликта. На предпочтение английскими респондентами

посредничества значимо влияли только вертикальный индивидуализм ($F=53,11$) и горизонтальный коллективизм ($F=12,32$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что индивидуализм/коллективизм, вертикальность/горизонтальность оказывают независимое от других факторов влияние на различия в предпочитаемых русскими и английскими студентами способов разрешения межличностного конфликта.

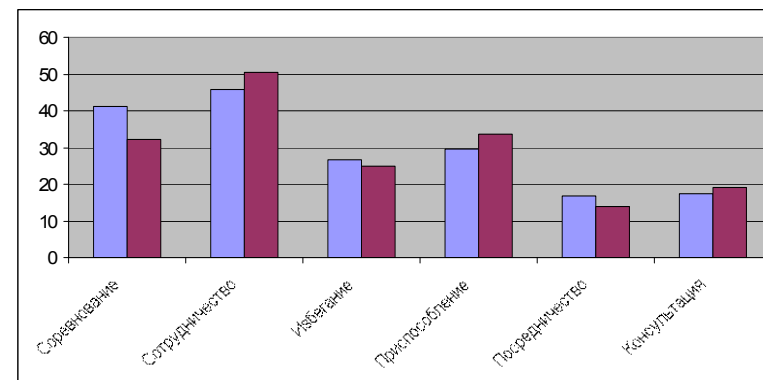
С помощью критерия Стьюдента было проведено сравнение двух выборок по предпочтениям тех или иных способов разрешения конфликта, без учёта ситуации конфликта.

Таблица 7. Различия в способах разрешения конфликта между выборками вне зависимости от контекста взаимодействия.

Способы	среднее (рус)	среднее (англ)	t-кр.	df	p
Соревнование	41,26	32,23	10,62	584	0,0001
Сотрудничество	45,67	50,42	-5,42	584	0,0001
Избегание	26,60	24,82	2,19	584	0,0287
Приспособление	29,63	33,57	-4,67	584	0,0001
Посредничество	16,88	14,02	4,19	584	0,0001
Консультация	17,29	19,03	-3,01	584	0,0027

Жирным шрифтом, здесь и далее, выделены статистически значимые различия.

На гистограмме внизу показаны данные русских (левый столбик) и английских студентов (правый).

При сравнении способов разрешения конфликта без учета контекста взаимодействия между двумя выборками были обнаружены значительные различия по всем способам, кроме избегания (см. Табл. 7). И русские, и англичане как представители европейских культур предпочитали избегание в меньшей степени, чем другие основные способы разрешения конфликтов: соревнование, сотрудничество, приспособление. Избегание как способ разрешения конфликтов более характерно для представителей азиатских культур (Япония, Китай и другие), чем для европейских, представители которых реже его используют.

Русские респонденты в большей степени предпочитали соревнование, чем английские (см. Табл. 7), что соответствует полученным ранее данным по индивидуализму. Многие исследователи отмечали, что между уровнем индивидуализма и предпочтением соревнования существует прямая связь [18, 23, 28]. Нужно также иметь в виду, что в целом поведение коллективистов направлено на сохранение гармонии, а поведение индивидуалистов – на конфронтацию [23]. Кроме того, представители индивидуалистических и коллективистских культур по-разному понимают смысл практически всех способов разрешения конфликта, за исключением соревнования, смысл которого все понимают одинаково [17].

Для подтверждения того факта, что контекст взаимодействия (с другом или посторонним) оказывает независимое влияние на различия в предпочтениях способов разрешения конфликта,

были использованы результаты анализа, проведённого ранее с помощью критерия F (2x2). Результаты подтвердили независимое от других факторов влияние контекста взаимодействия (общение с другом или посторонним) на различия в предпочтениях способов разрешения конфликта в обеих выборках.

Было проведено сравнение средних выборочных значений по ситуациям конфликта с помощью критерия Стьюдента.

Критические значения критерия t были рассчитаны с помощью статистического пакета обработки данных SPSS 11.0 for Windows и составляют: 1,65 при $p \leq 0,05$, 2,34 при $p \leq 0,01$, $df = 404$; 1,65 при $p \leq 0,05$, 2,35 при $p \leq 0,01$, $df = 178$.

Русские респонденты продемонстрировали различия в предпочтениях способов разрешения конфликта в зависимости от контекста взаимодействия. Впрочем, необходимо отметить, что значения критерия t едва превышают критические, поэтому нельзя сказать, что эти различия очень яркие (см. Табл. 8). Это может быть следствием неоднозначного положения современной русской культуры на шкале индивидуализма/коллективизма.

При сравнении средних выборочных значений отдельно по каждому способу, приспособление и сотрудничество были в большей степени выражены в ситуации конфликта с другом, чем в ситуации конфликта с посторонним (см. Табл. 8). Соревнование, посредничество и консультацию русские предпочитали в большей степени в конфликте с посторонним, чем в конфликте с другом (см. Табл. 8). Избегание было единственным способом разрешения конфликта, по которому значимых различий не было обнаружено (см. Табл. 8). Приведённые данные, как и полученные ранее, показали, что русские респонденты используют избегание реже, чем соревнование, сотрудничество и приспособление.

Таблица 8. Различия в способах разрешения конфликта внутри русской выборки по контексту взаимодействия: индекс 1 указывает на ситуацию конфликта с другом, индекс 2 указывает на ситуацию конфликта с посторонним.

способы	среднее (1)	среднее (2)	t-кр.	df	p
---------	-------------	-------------	-------	----	---

Соревнование (1x2)	40,02	42,50	- 2,64	404	0,0087
Сотрудничество (1x2)	47,01	44,33	2,64	404	0,0086
Избегание (1x2)	26,58	26,62	- 0,04	404	0,9686
Приспособление (1x2)	30,89	28,37	2,61	404	0,0094
Посредничество (1x2)	15,61	18,16	- 3,35	404	0,0009
Консультация (1x2)	16,46	18,11	- 2,54	404	0,0115

Далее внутри русской выборки было проведено сравнение способов разрешения конфликта, отражающих низкую заботу об интересах оппонентов, высокую заботу об интересах оппонентов и способов, отражающих вмешательство третьей стороны, в зависимости от ситуации конфликта. Результаты представлены в таблицах 9-11.

Принятые сокращения: **B1** - высокая забота об интересах оппонентов; **B2** – низкая забота об интересах оппонентов; **C** – способы, отражающие вмешательство третьей стороны. Индекс 1 указывает на ситуацию конфликта с другом, индекс 2 – на ситуацию конфликта с посторонним. Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия. Таблица 9. Сравнение способов, отражающих низкую заботу об интересах оппонентов, внутри русской выборки.

	среднее (1)	среднее (2)	t-кр.	df	p
B2 x B2	34,56	33,30	1,46	810	0,1437

Из Таблицы 9 следует, что в русской выборке по способам разрешения конфликта, отражающим низкую заботу об интересах оппонента (соревнование + избегание), не наблюдалось различий в зависимости от контекста взаимодействия. Такой результат более характерен для представителей индивидуалистических культур, чьи

предпочтения, по мнению многих исследователей, мало зависят от ситуации конфликта [23,32], чем для представителей коллективистских культур. Последние в случае конфликта с членами «чужой» группы в большей степени стремятся применять соревнование, чем в случае конфликта с членами «своей» группы [23]. С другой стороны, российское общество, занимающее в настоящий момент промежуточное положение на шкале индивидуализма/ коллективизма, можно отнести к свободному: при большом количестве общественных норм нередко имеет место путаница в ролях. Русские издавна терпимо относились ко всяким нарушениям норм и правил [8]. В таком обществе ситуация конфликта в сильной степени обуславливает различия в способах разрешения конфликтов, что проявилось в способах разрешения конфликта, основанных на посредничестве и консультации.

Таблица 10. Сравнение способов, отражающих высокую заботу об интересах оппонентов, внутри русской выборки.

	среднее (1)	среднее (2)	t- критерий	df	p
V1 x V1	38,95	36,35	2,89	810	0,0039

Из Таблицы 10 следует, что способы, отражающие высокую заботу об интересах оппонентов (сотрудничество + приспособление), были у русских студентов в большей степени выражены в ситуации конфликта с другом, чем с посторонним. В данном случае у русских проявились особенности коллективистской культуры, представители которой стремятся сохранить внутригрупповую гармонию и, по сравнению и индивидуалистами, менее склонны к конфликту с членом «своей» группы и более склонны к конфликту с членом «чужой» группы [15, 23].

Таблица 11. Сравнение способов, отражающих вмешательство третьей стороны, внутри русской выборки.

	среднее	среднее	t-	df	p
--	---------	---------	----	----	---

	(1)	(2)	критерий		
C	16,03	18,14	-4,20	810	0,0001

Из Таблицы 11 следует, что способы, отражающие вмешательство третьих лиц (посредничество + консультация), были выражены у русских респондентов в большей степени в ситуации конфликта с посторонним, чем с другом (см. Табл. 11). В данном случае тоже проявились особенности коллективистской культуры, представители которой стремятся не «выносить сор из избы» в ситуации внутригруппового конфликта, но охотно принимают помощь третьей стороны при конфликте с посторонним [12].

При сравнении предпочтений способов разрешения конфликта между двумя выборками в зависимости от ситуации конфликта наиболее яркие различия проявились в ситуации конфликта с посторонним – по всем шести способам разрешения конфликта (см. Табл. 12б). В ситуации конфликта с другом значимых различий между русскими и англичанами не наблюдалось по способам разрешения конфликта, связанным с избеганием и консультацией, что можно связать с влиянием горизонтального аспекта культуры (см. Табл. 12а).

Таблица 12. Различия в способах разрешения конфликта между выборками по контексту взаимодействия:

а) конфликт с другом:

Способы	среднее (рус)	среднее (англ)	t- кр.	df	p
Соревнование	40,02	30,87	7,75	291	0,0001
Сотрудничество	47,01	51,30	-3,78	291	0,0002
Избегание	26,58	25,53	0,85	291	0,3966
Приспособление	30,89	35,70	-4,22	291	0,0001
Посредничество	15,61	13,17	2,34	291	0,0198
Консультация	16,46	15,80	0,79	291	0,4288

б) конфликт с посторонним:

способы	среднее (рус)	среднее (англ)	t- кр.	df	p
Соревнование	42,5	33,60	7,38	291	0,0001
Сотрудничество	44,33	49,53	- 3,94	291	0,0001
Избегание	26,62	24,10	2,37	291	0,0183
Приспособление	28,37	31,43	- 2,53	291	0,012
Посредничество	18,16	14,87	3,81	291	0,0002
Консультация	18,11	22,27	- 5,72	291	0,0001

При сравнении русской и английской выборок по соревнованию, сотрудничеству, приспособлению и посредничеству в зависимости от контекста взаимодействия наблюдались различия в соотношениях, описанных ранее. В обоих контекстах взаимодействия у русских соревнование и посредничество было выражено сильнее, чем у англичан (см. Табл. 12 а,б). У англичан в обоих контекстах взаимодействия сотрудничество и приспособление были выражены сильнее, чем у русских (см. Табл. 12 а,б).

Полученные в ходе исследования данные подтвердили значимость индивидуализма/коллективизма, как фактора, регулирующих поведение индивидов при разрешении межличностных конфликтов и определяющих его специфику в разных культурах. Особенности русской и английской культур, существенно различаясь по данным измерениям, могут осложнить взаимодействие русских и англичан, приводя к неадекватным оценкам и действиям в случае возникновения межличностных конфликтов между гражданами двух стран.

В современной России происходит сдвиг от коллективизма к индивидуализму; в ценностных ориентациях русских студентов присутствуют элементы и коллективизма, и индивидуализма, с преобладанием последних. Всё это отражает мировые тенденции и сближает русскую культуру с «западными» культурами.

Сближение современных русской и английской культур явилось причиной того, что различия в предпочтениях способов

разрешения межличностных конфликтов оказались менее значительными, чем предполагалось. Особенно это касается слабых различий в выборе действий по урегулированию ситуации в зависимости от того, с кем происходит конфликт – с другом или с посторонним.

Полученные результаты могут помочь налаживанию межкультурного взаимодействия и могут быть использованы при разрешении конфликтов и ведении как межличностных, так и межгрупповых переговоров между представителями исследованных культур в разных сферах: в экономике, бизнесе, политике, образовании. Их также можно использовать для предотвращения производственных конфликтов, для развития концепций организационных культур, оптимизации управления персоналом и подготовки менеджеров.

Список литературы

1. Бороноев А.О., Смирнов, П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб.: Лениздат, 1992.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИ–ДИК, 1999.
3. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. Ст. и докл. 90-х гг. – М.: Наука, 1999.
4. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: учебник. – М.: Флинта, 2004.
5. Крыштановский А.О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: учебное пособие. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учеб. пособие. – М.: Ключ–С, 1999.
7. Лейнг К., Стефан У. Дж. Социальная справедливость с точки зрения культуры // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003.
8. Павловская А.В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
9. Рубин Дж., Пруйт Д., Ким С.Х. Социальный конфликт. Эскалация, тупик, разрешение. – СПб.: прайм–ЕВРОЗНАК, 2001.
10. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в

психологии. – СПб.: Речь, 2001.

11. Скотт Дж. Г. Конфликты. Пути их преодоления – Киев: Внешторгиздат, 1991.
12. Смит П.Б. Кросс–культурные исследования социального воздействия // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003.
13. Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997.
14. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
15. Adair W.L., Brett J.M., Okumura T. Negotiation behavior when cultures collide: the United States and Japan // Journal of Applied Psychology. – 2001. – Vol. 86 (3). – P. 371 – 385.
16. Bollinger D. The four cornerstones and three pillars in the «House of Russia» management system // Journal of Management Development. – 1994. – Vol. 13 (2). – P. 49–54.
17. Cai D.A., Fink E.L. Conflict style differences between individualists and collectivists // Communication Monographs. – 2002. – Vol. 69 (1). – P. 67–87.
18. Chua E.G., Gudykunst W.B. Conflict resolution styles in low- and high-context cultures // Communication Research Reports. – 1987. – Vol. 4 (1). – P. 32–37.
19. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. – Beverly Hills (CA): Sage, 1980.
20. Hofstede G., Hofstede G.-J. Cultures and organizations: software of the mind. 2nd ed. – New York: McGraw-Hill, 2005.
21. Hui C.H., Triandis H.C. Individualism – collectivism. A study of cross-cultural researches // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1986. – Vol. 17 (2). – P. 225–248.
22. Kagitcibasi C., Berry J.W. Cross – cultural psychology: current research and trends // Annual Review of Psychology. – Lisse: Swets & Zeitlinger. – 1987. – P. 68–86.
23. Leung K. Some determinants of reactions to procedural models for conflict resolution: a cross-national study // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 53 (5). – P. 898–908.
24. Naumov A.I., Puffer S.M. Measuring Russian culture using Hofstede's dimensions // Applied Psychology: an International Review. – 2000. – Vol. 49 (4). – P. 709–718.

25. Pearson V.M., Stephan W.G. Preferences for styles of negotiation: comparison of Brasil and the U.S. // International Journal of Intercultural Relations. – 1998. – Vol. 22 (1). – P. 67–83.
26. Pruitt D.G., Carnevale P.J. Negotiation in social conflict. – Pacific Grove (CA): Brooks/Cole, 1993.
27. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup relations. – Boulder (CO): Westview Press, 1996.
28. Ting-Toomey S. Intercultural conflict styles: a face – negotiation theory // Theories in intercultural communication. – Newbury Park (CA): Sage, 1988. – P. 213–235.
29. Triandis H.C. Individualism and collectivism. – Boulder (CO): Westview Press, 1994.
30. Triandis H.C., Bontempo R., Villareal M.J., Asai M., Lucca N. Individualism and collectivism: cross-cultural perspectives on self-ingroup relationships // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – Vol. 54 (2). – P. 323–338.
31. Triandis H.C., Gelfand M.J. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – Vol. 74 (1). – P. 118–128.
32. Trubinsky P., Ting-Toomey S., Lin S-L. The influence of individualism–collectivism and self–monitoring on conflict styles // International Journal of Intercultural Relations. – 1991. – Vol. 15. – P. 65–84.

Никитина Дарья Сергеевна,
ст.преподаватель кафедры политологии
и социологии МГСУ

ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Конец XX века, обозначенный распадом старого мирового порядка, принес человечеству обострение целого комплекса социальных проблем. Среди их общего многообразия особое место по своей уникальности, глубине противоречий, региональному охвату и степени вовлеченности населения занимают этнополитические конфликты. Только за период с 1990 по 2004 год в локальных войнах на почве межнациональных конфликтов в мире погибло 2 млн. людей, 4,5 млн. остались инвалидами, свыше 10 млн. людей потеряли кров. Более 250 тыс. подростков с оружием в руках участвуют и гибнут в конфликтах, развязанных взрослыми.

Демонтаж коммунистической системы привел к возникновению острых этнополитических конфликтов в регионах бывшего СССР. К середине 1990-х годов на его территории образовалось около 180 точек повышенной межнациональной напряженности.

Согласно данным последних опросов, 39 процентов россиян уверены, что многонациональность России приносит больше вреда, чем пользы, 28 процентов наших сограждан признаются, что испытывают неприязнь по отношению к людям других национальностей. Каждый третий полагает, что местные власти в первую очередь должны учитывать интересы местных жителей, а не относиться одинаково и к местным, и к приезжим. В чем причины такого положения дел? Почему все чаще

происходят столкновения на национальной почве? И можно ли избежать межнациональных конфликтов?

Что такое межэтнические конфликты и почему они возникают.

Стоит начать с выяснения того, что считать межэтническим конфликтом.

Социальный конфликт – наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу.

Суть конфликта – не столько в возникновении противоречия, сколько в способе его разрешения, в противодействии. Всевозможные противоречия возникают часто, но только часть из них решается путем конфликта.

Определения **этнического** конфликта в зарубежной конфликтологии практически не встречается. В отечественной науке **этнический конфликт** определяется как «форма социального, межгруппового конфликта, при котором противоречия между людьми возникают и обостряются на базе их этнических (языково-культурно-бытовых) различий или приобретают вид таковых». В межгрупповых конфликтах люди чаще всего участвуют не на основе личной неприязни или ненависти, а по факту своей принадлежности к определенной социальной (в данном случае – этнической) группе.

Важно понимать, что не всякий конфликт, противоборствующими сторонами в котором являются представители разных национальностей, будет конфликтом на национальной почве. Рассмотрим ситуацию, когда конфликтующие стороны представлены мужчиной и женщиной, а предметом конфликта является, скажем, спор из-за неправильно оформленного договора. Сомнительно,

что такой конфликт будет считаться конфликтом в сфере половых отношений. Так что, если конфликт (пусть даже его участники принадлежат к разным этносам) возник на профессиональной или бытовой почве и предмет конфликта не связан с национальными особенностями, он к группе межэтнических конфликтов не относится.

Специфика национального конфликта в том, что в таких конфликтах (в отличие от классовых или социoproфессиональных) на первый план выходит один из видов базовых групповых потребностей – потребность в национальной идентичности, то есть в сохранении целостности и специфичности самого этноса. И порою трудно понять, где в национальных конфликтах цель, а где – средства. То ли национальные лозунги используются лишь как средство для передела экономических ресурсов и политической власти, то ли наоборот – ресурсы и власть нужны группе исключительно как средство утверждения национальной самобытности.

Хотя причины большинства межэтнических конфликтов вполне рациональны, предметны (чаще всего связаны с проблемами территории или независимости), основы их возникновения заложены в самих явлениях этноса, этнической культуры и этнической идентичности, деления на «своих и чужих» по национальному признаку.

Этнос – исторически сложившаяся общность людей, объединяемых внутригрупповыми нормами поведения, особенности которых фиксируются языковыми, психологическими, нравственными, эстетическими и другими средствами культуры.

Национально-этнические стереотипы усваиваются человеком с детства и впоследствии функционируют преимущественно на подсознательном уровне. Поэтому для этнических конфликтов свойственны такие особенности бессознательного поведения, как

эмоциогенность, алогичность, символизм и слабая обоснованность совершаемых действий рациональными доводами. В силу этих особенностей, возникновение, развитие и разрешение межэтнических конфликтов в любой сфере жизнедеятельности общества и на любом уровне имеет свою специфику.

Первоначально, для того, чтобы появилось неприязненное отношение к «инородцам», не требуется непосредственного контакта между представителями тех или иных национальностей — мнение о каком-либо этносе может формироваться заочно (через средства массовой информации, литературу, фольклор и др.).

В «явную фазу» конфликт переходит после начала установления этносоциальных отношений, в ситуации, когда группы представителей разных народов проживают рядом, вступая в неосредственные отношения, когда начинается сравнение «своих» и «чужих» по социальному положению, уровню дохода, образования и т. д. Возникает покровительство представителям своей национальности, «землячество» и кумовство. Конфликт начинает приобретать экономический и политический оттенок — доступ к тем или иным ресурсам начинает определяться национальной принадлежностью. При сочетании определенных факторов, изменить такой порядок становится возможным только насильственным путем, что, как правило, и происходит. Наиболее конфликтогенными в этом отношении являются регионы с высокой миграцией населения. Переселенцы, как правило, не учитывают социокультурных особенностей местных жителей, ведут себя в соответствии с собственными традициями, заметно отличающимися от местных, чем и вызывают к себе негативное отношение «аборигенов».

Межэтнические конфликты могут случаться между отдельными представителями или социальными группами

различных этносов. Этнсом движет потребность в самосохранении, защите своих ценностей и традиций. Наиболее болезненны и эмоционально насыщены конфликты, возникающие в результате ущемления ценности этноса. Ценностные конфликты могут иметь место в любой сфере жизнедеятельности общества. Но более четко специфика ценностных межэтнических конфликтов проявляется в противоречиях, связанных с различиями в культуре, языке, религии и других социокультурных особенностях этносов. Например, главным мотивом гражданской войны в экс-Югославии, по мнению специалистов, стала религия, которая, в силу определенных исторических причин, разделила народ с едиными этническими корнями на несколько религиозных субкультур (православную, католическую и мусульманскую).

Наличие в одном регионе наряду с компактно проживающим национальным большинством национальных меньшинств, чье социальное положение, права, доступ к материальным и культурным благам зачастую отличается от положения национального большинства, способствует формированию *национальных общин и национально-культурных автономий*. Их участие в этнополитических конфликтах может быть довольно активным, но его результаты могут иметь противоположную направленность.

Часто конфликты между нормами и ценностями и между ценностями разных культур происходят на бытовом уровне, в ходе повседневного общения, так, например, празднование Курам-байрама 27 ноября этого года, сопровождавшееся традиционным жертвоприношением, вызвало резко негативную реакцию жителей обеих столиц. На бытовом уровне могут возникнуть этнические конфликты, вызванные социально-психологическими

факторами — общей подсознательной неприязнью к представителям определенного этноса. В ходе длительного противостояния, какими бы не были его причины, у конфликтующих этносов такая неприязнь по отношению друг к другу приобретает массовый характер.

Этнический парадокс современности или «почему национальных конфликтов становится больше».

В последние десятилетия отмечается феномен, который называют этническим парадоксом современности. Он заключается в том, что большинство сформированных в прошлом идеологий настаивали на том, что межэтнические противоречия должны уйти в прошлое под влиянием интернационализации экономики и культуры. Но происходит обратный процесс – нарастание противоречий и конфликтов, волна суверенизаций этнонациональных групп.

Объясняется это тем, что угроза разрушения привычного образа жизни, национальной материальной и духовной культуры в результате глобализации, вызывает противодействие со стороны этнической общности или ее отдельного представителя, так как отказ от привычных ценностей порождает чувство второсортности. Этническая группа или отдельный представитель этноса может чувствовать себя дискриминированным по духовным показателям (притесняют религию, ограничивают возможности использования языка, не уважают обычаи и традиции), что с большой вероятностью может привести (и приводит) к конфликту.

Виды межэтнических конфликтов и причины их возникновения.

Авторы труда «Социология межнациональных отношений в цифрах» выделяют следующие факторы, оказывающие влияние на межнациональные конфликты:

1. национальный состав региона конфликта (выше его вероятность в смешанных регионах);

2. тип поселения (вероятность выше в большом городе);

3. возраст (крайние полюсы: «старшие-молодые» дают более высокую вероятность конфликта);

4. социальное положение (выше вероятность конфликта при наличии маргиналов);

5. уровень образования (корни конфликта гнездятся в массе невысокого уровня образования, однако, следует помнить, что идеологами его всегда выступают отдельные представители интеллигенции);

6. политические взгляды (конфликты значительно выше у радикалов).

Объективными причинами обострения межэтнической напряженности могут быть:

- последствия серьёзных деформаций национальной политики, накопившаяся за долгие десятилетия неудовлетворенность, выплеснувшаяся наружу в условиях гласности и демократизации;
- результат серьёзного ухудшения экономического положения в стране, которое также порождает недовольство и вражду у различных слоёв населения, причём эти негативные настроения канализируются прежде всего в сфере межнациональных отношений;
- следствие заострившейся структуры государственного устройства, ослабления тех основ, на которых создавалась свободная федерация советских народов.

Межнациональные конфликты по причине и характеру происхождения могут быть:

- социально-экономическими (безработица, задержки и невыплаты зарплаты, социальных пособий, не позволяющие большинству граждан удовлетворять необходимые потребности, монополия представителей одного из этносов в какой-либо сфере услуг или отраслей народного хозяйства, и т. д.);
- культурно-языковыми (связанными с защитой, возрождением и развитием родного языка, национальной культуры и гарантированных прав национальных меньшинств);
- этнодемографическими (сравнительно быстрое изменение соотношения численности населения, т.е. увеличения доли пришлого, иноэтнического населения в связи с миграцией вынужденных переселенцев, беженцев);
- этнотерриториально-статусными (несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов, требование малых народов о расширении или приобретении нового статуса);
- историческими (взаимоотношения в прошлом – войны, бывшие отношения политики «господство – подчинение», депортации и связанные с ними негативные аспекты исторической памяти, и т. д.);
- межрелигиозными и межконфессиональными (включая различия в уровне современного религиозного населения);
- сепаратистскими (требование создать собственную независимую государственность или же воссоединение с соседним

«материнским» или родственным с культурно-исторической точки зрения государством).

Кроме того, причиной возникновения межэтнических конфликтов могут стать и любые необдуманные или заведомо провокационные заявления политиков, национальных лидеров, представителей духовенства, СМИ, происшествия бытового характера, случаи.

Формы межнациональных конфликтов

Существуют цивилизованные и нецивилизованные формы межнациональных конфликтов:

- а) локальные войны (гражданские, сепаратистские);
- б) массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, грубыми и многочисленными нарушениями прав и свобод личности;
- в) религиозный фундаментализм.

В зависимости от мотивов (причин), особенностей субъективного состава, межнациональные конфликты могут быть представлены следующим образом:

1) национально-территориальные конфликты. Во многих случаях данные конфликты содержат попытки решения проблем «исторической родины» (исконные территории проживания или воссоединения разных этнических общностей);

2) конфликты, связанные со стремлением национальных меньшинств реализовать право на самоопределение;

3) конфликты, источником которых является стремление депортированных народов восстановить свои права;

4) конфликты, основанные на столкновении правящих национальных элит в экономической и политической сферах;

5) конфликты, связанные с дискриминацией какой-либо нации, этноса, нарушением её прав либо прав, свобод и законных интересов её представителей;

6) конфликты, обусловленные принадлежностью (по национальному признаку) к разным религиозным общинам, течениям, т. е. на конфессиональной почве;

7) конфликты, имеющие в своей основе расхождения и столкновения национальных ценностей (правовых, лингвистических, культурных и др.)¹.

За проявлениями межнациональных противоречий во многих случаях реально стоят экономические проблемы. Например, в Карачаево-Черкессии не созданы элементарные механизмы рыночных отношений. Не решив экономические проблемы, вряд ли удастся решить межнациональные противоречия. Недавний вооруженный инцидент между ногайцами и даргинцами на Ставрополье, в небольшом ногайском селе недалеко от границы с Дагестаном – Махмуд-Мектебе – оказался неожиданным только для властей, которые годами закрывали глаза на обострение межнациональной напряженности в этом регионе России. После этого инцидента вряд ли кому удастся убедить общественность в том, что мы имеем дело с конфликтами чисто бытовыми или на хозяйственной основе. На Северном Кавказе 17 миллионов людей, составляющих полторы сотни национальностей, все ещё продолжают делить территорию на сферы влияния.

Национальные отношения и конфликты в России

Опрос, проводимый ФОМ по теме межнациональных конфликтов в России в 2007 году, показал, что большинство россиян демонстрируют высокую толерантность, относясь к людям других национальностей без неприязни:

- четверть опрошенных (25%) заявили, что испытывают раздражение и неприязнь по

отношению к представителям той или иной национальности, причем чаще всего об этом говорят москвичи (42%).

- 69% россиян сказали, что такой неприязни не испытывают.

На открытый вопрос, «в чем чаще всего заключаются причины межнациональной розни в нашей стране» были даны следующие ответы:

- в засилье приезжих и их вызывающем поведении ('многие приезжие не хотят себя по-человечески вести' – 11%);
- в неправильной внутренней политике государства, беззаконии, коррупции ('в политике отсутствует национальный вопрос'; 'власти нагнетают, сами обостряют ситуацию'; 'нет порядка в стране, коррупция' – 8%);
- в бедности населения, большом разрыве между богатыми и бедными, зависти к богатым ('всем плохо живется, вот и сгоняют зло друг на друге'; 'зависть, так как восточные люди – богачи, наши – бедняки' – 7%);
- в невоспитанности, бескультурье, несдержанности людей (7%), о шовинистических настроениях, действиях националистических группировок (4%).

Кто-то считает, что причина конфликтов кроется в различии национальных традиций и религий ('из-за разных мировоззрений, разных вер, традиций'). Кто-то говорит о том, что 'есть люди, которым выгодно устраивать межнациональные конфликты' (по 3%). Некоторые полагают, что межнациональные столкновения происходят 'из-за раздела сфер влияния' (3%) или являются 'конфликтами криминальных групп' (1%).

Три четверти опрошенных (73%) воспринимают ситуацию с межнациональными отношениями там, где они живут, как спокойную; 16% респондентов оценивают ее как взрывоопасную (среди москвичей – 47%). При этом четверть респондентов (25%) говорят о том, что за последний год в населенных пунктах, где они живут, случались конфликты между людьми разных национальностей; 61% опрошенных таких случаев не припоминают, 13% затрудняются с ответом. О конфликтных ситуациях чаще всего сообщают жители Москвы (58%), мегаполисов и больших городов (по 36%).

Опрос на тему «Межнациональные отношения в столице глазами её жителей», проведённый в Москве 2 ноября 2009 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), дал следующие результаты:

Половина москвичей негативно оценивает межнациональные отношения в Москве (51%): 36% считает их напряженными, 15% - конфликтными.

Главной мерой, способной предотвратить в Москве рост межнациональной напряженности и конфликтов между коренным населением и мигрантами, является, по мнению жителей столицы, ограничение притока неквалифицированной рабочей силы и ужесточение порядка их въезда и регистрации (67%). На втором месте - ужесточение наказания за пропаганду идей, разжигающих межнациональную рознь (32%), на третьем - препятствование концентрированному проживанию мигрантов в отдельных районах столицы (22%). 18% считают нужным запретить деятельность экстремистских организаций, 11% выступают за создание мест концентрированного проживания мигрантов, по 10% - за улучшение условий жизни мигрантов и за жесткое пресечение несанкционированных уличных выступлений.

Взгляды коренных москвичей и тех, кто живет в столице не более десятилетия, на то, как решать проблему межнациональных отношений в городе, различаются. Так, коренные москвичи чаще выступают за ограничение притока иностранной рабочей силы в Москву (70%). Респонденты, проживающие в столице менее десяти лет, более склонны поддерживать такие меры, как ужесточение наказаний за разжигание межнациональной розни (49%), запрещение деятельности экстремистских организаций (24%), улучшение условий жизни мигрантов (15%), создание мест концентрированного проживания мигрантов (16%) и за их легализацию (10%).

Сравнение и анализ результатов этих исследований приводит к выводу (если исключить вполне самостоятельную проблему Северокавказского региона), что наиболее остро проблема межнациональных конфликтов обозначилась именно в Москве. К такому же выводу подталкивает и анализ данных об открытых столкновениях на почве национальной розни – чаще всего (и наиболее массовые столкновения) происходят опять же в Москве (и вновь – без учёта данных по Северному Кавказу).

Содержательный анализ конфликтов в пределах России позволяет сгруппировать их в три основных типа: — конфликты, доминирующую роль в которых играют территориальные притязания. Они касаются соседствующих народов и этнических групп и могут приобретать весьма острый характер. Наиболее явный пример конфликта такого типа — осетино-ингушский. Напряженность в связи с территориальными спорами имеет место и в Кабардино -Балкарии; — конфликты, вызванные требованиями выхода из России и полной государственной самостоятельности. Такого рода конфликты называются «сецессионными». Здесь наиболее

ярким примером является Чечня. Сецессионные тенденции имели место и в Татарстане до заключения договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими властями. За пределами России к конфликтам такого же типа можно отнести грузино-абхазский и приднестровский; — статусные конфликты, в основе которых лежит желание расширить административно-управленческие полномочия в соответствующем регионе. Такой конфликт может быть и не связан с национальными интересами каких-либо этнических образований. Национальный аспект здесь раскрывается лишь в отношении к проблеме целостности России и признания (или непризнания) авторитета Российского государства. Примером такого конфликта может служить попытка провозглашения Уральской республики.

Состояние межнациональных отношений в России во многом определяется характером, тенденциями и перспективами развития русской нации. Полная картина, по мнению А.И. Доронченкова, даёт основание сделать заключение о том, что русская нация оказалась сегодня в состоянии кризиса и что в её развитии выявились следующие негативные тенденции:

1. Началась депопуляция русской нации. В 1991 г. смертность русских впервые, если не считать годы войны, превысила их рождаемость.
2. Углубилось хаотическое состояние хозяйства.
3. Аполитическое развитие массового сознания русских.

4. Наблюдается своеобразный духовный вакуум.

Наиболее полный вариант типологии межнациональных конфликтов предложил Я. Этингер. С большей или меньшей степенью условности он сводит их к нескольким основным типам:

1. Территориальные конфликты, часто тесно связанные с воссоединением раздробленных в прошлом этносов. Их источник – внутреннее, политическое, а нередко и вооруженное столкновение между стоящими у власти правительством и каким-либо национально-освободительным движением или той или иной ирредентистской (7) и сепаратистской группировкой, пользующейся политической и военной поддержкой соседнего государства. Классический пример – ситуация в Нагорном Карабахе и отчасти в Южной Осетии;

2. Конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования. Таково положение в Абхазии, Гагаузии, отчасти в Приднестровье:

3. Конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов. Спор между осетинами и ингушами из-за принадлежности Пригородного района – яркое тому свидетельство:

4. Конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства. Например, стремление Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд районов Псковской области, которые, как известно, были включены в состав этих двух государств при провозглашении их независимости, а в 40-е годы перешли к РСФСР;

5. Конфликты, источниками которых служат последствия произвольных территориальных изменений, осуществляемых в советский период. Это прежде всего проблема Крыма и в потенции – территориальное урегулирование в Средней Азии;

6. Конфликты как следствие столкновений экономических интересов, когда за выступающими на поверхность национальными противоречиями в

действительности стоят интересы правящих политических элит, недовольных своей долей в общегосударственном федеративном «пироге». Думается, что именно эти обстоятельства определяют взаимоотношения между Грозным и Москвой, Казанью и Москвой;

7. Конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера, обусловленные традициями многолетней национально-освободительной борьбы против метрополии. Например, конфронтация между Конфедерацией народов Кавказа и российскими властями:

8. Конфликты, порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территориях других республик. Таковы проблемы месхетинских турок в Узбекистане, чеченцев в Казахстане;

9. Конфликты, в которых за лингвистическими спорами (какой язык должен быть государственным и каков должен быть статус иных языков) часто скрываются глубокие разногласия между различными национальными общинами, как это происходит, например, в Молдове, Казахстане.

Конечно, в «чистом виде» трудно вычленить каждый из этих типов конфликтов. Зачастую конфликты возникают в результате целого комплекса противоречий: этнических, территориальных, политических, экономических, религиозных. Для России сегодня типичны следующие конфликты:

– «статусные» конфликты российских республик с федеральным правительством, вызванные стремлением республик добиться большего объема прав и стать вообще независимыми государствами – субъектами международного права;

– территориальные конфликты между субъектами федерации;

– внутренние (происходящие внутри субъектов федерации) этнополитические конфликты, связанные с реальными противоречиями между интересами различных этнических групп. В основном это противоречия между называемыми титульными нациями и русским (русскоязычным), а также и «нетитульным» населением в республиках. Этот перечень типов конфликтов можно расширить. По мнению Л. Дробижевой, сегодня в Российской Федерации в основном прослеживаются три типа конфликтов этнополитического характера.

- конституционные конфликты. Некоторые республики приняли конституции, которые противоречат прошлой и теперешней конституции РФ: Саха (Якутия), Тыва, Татарстан, другие. Первое противоречие заключается в том, что в конституциях говорится о главенстве законов республик над федеральными, второе связано с контролем за использованием родных ресурсов, третье – с непосредственным выходом на международную арену.
- территориальные конфликты. Спорных зон час на территории России 180. Вокруг некоторых из них уже идут локальные военные действия.
- межгрупповые конфликты.

Ряд зарубежных и отечественных исследователей считает, что межэтнические конфликты в России происходят часто между двумя главными типами цивилизаций, характеризующими евразийскую сущность страны – западным христианским в своей основе и южным исламским. Этот тезис требует отдельного рассмотрения.

Исследователи отмечают, что в последние годы по признаку конфликтное все болевые точки России классифицируются по следующим основаниям:

– зоны острых кризисных (военных конфликтов или балансирования на их грани) – Северная Осетия – Ингушетия;

– потенциально кризисные ситуации (Краснодарский край). Здесь основным фактором межнациональной конфликтности являются миграционные процессы, в результате которых обостряется обстановка;

– зоны сильного регионального сепаратизма (Татарстан, Башкортостан);

– зоны среднего регионального сепаратизма (Республика Коми);

– зоны вяло текущего сепаратизма (Сибирь, Дальний Восток, ряд республик Поволжья, Карелии и пр.).

Мировой опыт в разрешении и предотвращении межнациональных конфликтов.

Раннее предупреждение как инструмент предотвращения этнополитических конфликтов.

Сегодня рост этнических конфликтов в мире становится важнейшей проблемой международной безопасности и международных отношений. Поэтому активно разрабатываются новые концепции и методы. Одной из таких концепций является раннее предупреждение конфликтов.

Раннее предупреждение конфликтов подразумевает проведение двух видов действий – это раннее оповещение конфликта и превентивные действия по его предотвращению.

Термин “раннее оповещение” появился из военной науки, но сегодня он широко используется как академическими кругами, так и лицами, принимающими политические решения.

Идея раннего оповещения заключается в создании такой системы, которая бы постоянно отслеживала основные индикаторы, свидетельствующие о возможных

конфликтах, обеспечивала анализ полученной информации и способствовала предотвращению возможных конфликтов и кризисов..

После сигнала оповещения существует промежуток времени, позволяющий политикам выработать план действий по предотвращению конфликта. Система раннего оповещения должна определять скрытые аспекты конфликта, которые еще не развились до открытой фазы и не раздуты в прессе.

Превентивная дипломатия – это действия, направленные на предотвращение роста разногласий между сторонами, перерастания существующего напряжения в конфликт и ограничение последнего, если он все же имеет место.

Раннее предупреждение – весьма привлекательный инструмент конфликтного менеджмента, так как он позволяет сэкономить огромное количество ресурсов и сберечь человеческие жизни. Однако насколько он применим в современном мире ?

Как показывает практика, случаев успешного предотвращения конфликта с помощью инструментов раннего предупреждения едва ли наберется и десяток. Причина заключается в том, что сегодня раннее предупреждение работает при весьма определенных условиях.

Концепция раннего предупреждения подразумевает, что политики (как непосредственно вовлеченные в конфликт, так и международные посредники) заинтересованы в мирном разрешении и предотвращении конфликта. Как показывает опыт, зачастую это совсем не так. Политики заинтересованы в симпатиях электората. А на раннем предупреждении нельзя заработать политических очков, т.к. предупрежденный конфликт – это фактически конфликт не произошедший, о котором

широкая общественность может ничего и не узнать. Зато удачное урегулирование конфликта, эффективное достижение мирного соглашения способно сильно повысить популярность того или иного политика, принести ему поддержку избирателей.

Какие случаи успешного раннего предупреждения можно назвать? В Европе ОБСЕ и ООН считают, что им удалось предотвратить этнический конфликт как минимум в трех странах: Эстонии, Латвии и Македонии. Несмотря на различие ситуаций, факторы, способствовавшие успеху раннего предупреждения, очень похожи во всех случаях.

Прежде всего, во всех трех странах вовлеченные стороны были заинтересованы в предотвращении конфликта.

Другим очень важным фактором оказалось то, что в урегулировании конфликта были кровно заинтересованы западные страны, и прежде всего, США.

Сыграло свою роль и то, что возможность конфликта во всех случаях была осознана на раннем этапе. Развал двух крупных союзных государств – Югославии и СССР – породил множество этнических конфликтов, и почти каждое новое государство, где существуют национальные меньшинства, могло тогда превратиться в очередную Боснию или Нагорный Карабах.

Очень важным фактором оказалось и то, что все три страны расположены в Европе и к ним изначально было приковано внимание и Совета Европы, и ОБСЕ и других влиятельных международных организаций.

Таким образом, на сегодняшний день стратегия раннего предупреждения успешна лишь при соблюдении ряда условий: мир в стране, где существует опасный конфликтный потенциал, должен иметь большое значение для мирового сообщества и, в первую очередь, для основных игроков современных международных

отношений, для самих конфликтных сторон мирное урегулирование этнических проблем должно быть предпочтительнее военного решения, серьезность конфликта должна быть осознана на раннем этапе.

Важно подчеркнуть несколько пунктов, которые имеют отношение к усилиям, направленным на предотвращение конфликтов.

1. Не существует простых объяснений причин конфликта и того, каким образом они способствуют эскалации насилия. Чтобы понять динамику внутренних конфликтов, необходимо принять во внимание множество конкретных факторов, таких как нищета и быстрый рост населения, скудость ресурсов, дискриминация и лишение меньшинств и других групп общества властных полномочий, военная угроза и источники опасности. Определенное сочетание этих факторов может привести, но не обязательно приводит, к напряжению в обществе, насилию и войне.

2. Важно проводить различие между структурными причинами, лежащими в основе конфликта, и непосредственными причинами, вызывающими эскалацию конфликта. Именно поэтому сегодня проводится различие между структурным и краткосрочным предотвращением конфликтов. К структурным причинам, в первую очередь, относятся факторы, связанные со слабостью государства, нищетой, политической несправедливостью или экономическими лишениями. Таким образом, структурное предотвращение должно осуществляться по трем главным направлениям: экономика, потребности населения и управление; оно должно сочетать помощь в развитии и создании возможностей на местах с помощью в организации выборов и контроле за соблюдением прав человека.

3. Непосредственные причины конфликта часто бывают результатом принятия определенными руководителями или политическими демагогами продуманных решений о применении насилия при разрешении спорных вопросов.

4. Нет согласия относительно пользы раннего предупреждения для предотвращения конфликтов. Некоторые аналитики сегодня утверждают, что возможности предотвратить конфликт упускались не из-за недостатка времени для реагирования, а из-за отсутствия политической воли прореагировать на предупреждение.

5. Вопрос использования силы имеет большое значение для обеспечения эффективного предотвращения конфликтов или успешного выполнения мирных договоренностей. Если учесть дурную славу плохих руководителей и намеренное воспрепятствование предотвращению конфликтов и завершению конфликтов, перед международным сообществом стоит важнейший вопрос о том, должны ли принудительные меры являться составной частью предотвращения конфликтов. Однако такие примеры, как Сомали, к огромному сожалению, показывают, что угроза внешнего силового вмешательства не является панацеей для разрешения случаев насилия на национально-религиозной почве и эскалации конфликта.

6. Наконец, тот факт, что подавляющее большинство конфликтов являются внутренними, сильно влияет на то, как международное сообщество может реагировать на эти конфликты. Для внутригосударственных конфликтов действительно требуются методы раннего предупреждения и предотвращения, отличные от тех, которые используются в традиционных межгосударственных противостояниях.

Из вышеизложенного ясно, что предотвращение конфликтов сегодня может успешно осуществляться

только при участии многих сторон и многодисциплинарном подходе.

Сегодня для эффективного предотвращения требуется всеобъемлющая, многомерная и последовательная стратегия. Поэтому многосторонний подход к предотвращению конфликтов представляется полезным и даже необходимым: сравнительные преимущества каждой организации могут в сочетании изменить ситуацию так, как это необходимо, чтобы победить чуму насилия. Объединенный подход различных действующих лиц возможен и осуществим, однако совместная деятельность на основании общих распоряжений пока нереальна. Например, неформальная дипломатия, создание местных структур и тактичная работа среди враждующих групп должны осуществляться без привлечения внимания, что может быть несовместимо с политикой кнута и пряника, проводимой на высоком уровне.

Для поиска методов предупреждения и разрешения современных национальных конфликтов важное значение приобретают исторические исследования этнонациональных конфликтов в различных конкретно-исторических, этнокультурных условиях с целью выявления их причин, последствий, специфики, типов, участия в них различных национальных, этнических групп, методов предотвращения и урегулирования. В этих целях Институтом этнологии и антропологии Российской Академии Наук совместно с Группой по урегулированию конфликтов (Кембридж, штат Массачусетс (США)) разработан Международный проект «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах». «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности».

Ольстерский конфликт (католики-протестанты)

В 1610 году Северную Ирландию завоевала Англия. Она была последней частью Ирландии, захваченной англичанами. В ходе колонизации южную часть передали североирландской элите. Но из Ольстера все ирландское население было перемещено в другие районы острова (ирландцы сравнивают себя сегодня с индейцами в Северной Америке). Большую часть земли правительство Великобритании передало помещикам-завоевателям, часть оставлена крестьянам. В Северной Ирландии жили два типа населения: ирландцы-католики и плантаторы - протестанты из Англии и Уэльса.

Они говорили на разных языках. Коренное население чувствовало себя ущемленным, поэтому не раз поднимало восстания.

В конце XIX века ирландцы сформировали движение «За независимую Ирландию». Оно использовало две формы борьбы: путь парламентской борьбы и силовое решение. В итоге был достигнут компромисс. Остров был разделен на две части. В Северной Ирландии осталось 6 графств, а в Республике Ирландия - 26. Однако ирландское население Ольстера в 1921 - 1969 годах не могло получить власть, все попытки терпели неудачу. Социальное положение в 70-90-х годах у католиков улучшилось, как и взаимоотношения между населением кварталов протестантов и католиков.

Католическое население мечтает посредством голосования выжить англичан. Внутри католической общины существуют две группировки. Наиболее влиятельная среди населения - Социал-демократическая лейбористская партия во главе с Джоном Хьюмом. Партия стоит на умеренных позициях и не вызывает особого отторжения у большинства протестантов. Совершенно другие требования у Шинн-фейн - политического крыла террористической организации «Ирландская

республиканская армия» (ИРА). Лидер - Джерри Адамс. Шин-фейн предполагает территориальный передел, отход либо всей, либо части нынешней Северной Ирландии Ирландской Республике.

Северная Ирландия сегодня - это набор проблем. Назовем главные.

Политическая (конституционная). Протестанты, живущие в Северной Ирландии, хотят остаться в Соединенном королевстве, а большинство католиков - в Ирландии. Основное соперничество происходит во время выборов среди умеренных и радикалов (как среди католиков, так и среди протестантов). К сожалению, политический центр здесь мизерный, а порой совсем отсутствует.

Неравенство между двумя общинами. Католическая община страдает от неравенства, созданного правительством. Хотя в последние 20 лет улучшилось положение с жильем, образованием и другими сферами, но сохраняется неравенство в сфере работы. У католиков больше шансов остаться без работы, чем у протестантов.

Насилие. Между Ирландской республиканской армией и полувоенными организациями под названием «Британская армия». В 1994 году основные полувоенные организации заключили соглашение о прекращении огня.

Население острова составляет примерно 5 миллионов человек, Северной Ирландии - 1,6 миллиона человек. В Северной Ирландии 42 процента - католики, 56 - протестанты. Однако в школах 55 процентов учащихся - католики. Протестантов очень беспокоит то, что через 20 лет количество католиков может превысить количество протестантов.

По переписи 1991 года лишь 4 процента населения не имеет религиозных убеждений. Тем не менее католики и протестанты - это не религиозные термины, а этнические.

Большинство (протестанты) ассоциирует свою этническую идентичность с Великобританией, меньшинство (католики) - с Ирландией.

С начала военного насилия убито 3800 человек. Особенно много жертв в Северном Белфасте - Ордоине. Этот католический район окружен со всех сторон протестантскими кварталами. Из него и других районов черпает свои силы Ирландская республиканская армия. В районах, где живут рабочие католики, очень большое присутствие полиции. Этнический состав полиции однороден: 97 процентов - протестанты.

Насилие продолжается 27 лет. Оно было сильным и перманентным. Реакция двух общин на объявленное перемирие в 1994 году была различной. Католическая община приветствовала перемирие и попросила выпустить из тюрем узников. Протестантская высказывает опасение и недоверие к тому, что ИРА прекратила насилие и готова на перемирие. К концу 1994 года власти начали использовать результаты мира, попытались провести дискуссии между общинами. Но слишком тяжел груз насилия, слишком много родственников погибло у тех и у других, поэтому сближение идет медленными темпами.

Многие годы протестанты проводят по Северной Ирландии марши, часто через католические кварталы. Вопрос об их проведении и обеспечении безопасности полицией становится все более трудным. Когда протестанты заявляют о проведении маршей, католики выступают против. В результате ухудшается общий политический климат. Религиозный фактор используется в политических целях. Католики представляют одну церковь и едины, у протестантов много церковных номинаций, поэтому они разобщены.

Работа с общинами

Осуществляют эту работу общественные неправительственные организации. Одна из них Совет по связям с общинами «СТАВ» (председатель Мари Фицдаф). Совет занимается проблемами религии, этничности, образования, культуры.

Формы деятельности следующие: работа с группами женщин (использование их в посреднических целях, так как они меньше подвергаются риску); с профсоюзами (цель - достичь того, чтобы профсоюзы сами занимались погашением конфликтов внутри коллективов); с финансовыми организациями; с организациями, занимающимися планированием жилья (очень мало фактов совместного проживания католиков и протестантов); работа в области культурных традиций; со спортивными организациями (спорт разделен по этнической линии: в регби играют протестанты, в галльский футбол - католики); работа со школами (система образования разделена по этническому признаку).

Путь к урегулированию

Правительство Великобритании видит путь в совместной работе с правительством Республики Ирландия, общественными организациями и политическими партиями Северной Ирландии. Этот процесс идет полным ходом: консультации, встречи, совещания. Объединение политических партий Северной Ирландии получило название «Форум». Но в этом процессе не представлена партия Шинн-фейн. Официальный Лондон считает это невозможным без возвращения к соглашению о прекращении огня 1994 года. Правительство требует предварительного разоружения ИРА, но это отвергается Д.Адамсом, хотя необходимость разоружения признается всеми. До урегулирования конфликта еще далеко, а прогремевший в 1996 году взрыв вблизи одной из военных баз вновь усилил недоверие и подозрительность у членов

двух общин. Да и общественное мнение не готово пока окончательно к тому, чтобы покончить с образом врага. Католические и протестантские кварталы разделены кирпичными стенами («стены мира»). В католических кварталах на стенах домов можно увидеть огромные картины, свидетельствующие о насилии со стороны англичан.

Вместе с тем британский опыт ценен. Переговорный процесс и его организация, несомненно, требуют изучения, так как возможно применение некоторых его элементов и в российской практике. К примеру, такой акт, как проведение общих прямых и равных выборов по всей территории Северной Ирландии с участием обеих общин, - наглядный положительный пример, результат переговорного процесса.

Обращаясь к религиозному фактору, невольно начинаешь соглашаться с американским политологом С.Хантингтоном, считающим, что основным источником конфликтов будет не идеология и не экономика. Конфликты, по его мнению, будут разворачиваться между нациями, принадлежащими к разным цивилизациям. Линия разлома между цивилизациями - это есть линия будущих фронтов. Религиозный фактор сыграл негативную роль в югославском конфликте, не объединяя, а разъединяя людей. К примеру, католическая церковь в Хорватии поддерживала идею создания мононационального государства. Как говорил один из идеологов создания самостоятельного государства священник-католик: «Борьба за Хорватию - борьба за католицизм».

Возможные способы и методы предупреждения и предотвращения межнациональных конфликтов.

Принципы урегулирования межнациональных конфликтов

Прежде всего необходимо осознать, что *сила не может быть средством разрешения конфликта*. Единственным разумным методом урегулирования и профилактики конфликтов является поиск компромисса между спорящими сторонами. Одним из принципов урегулирования конфликтов является консенсус. При консенсусе происходит процесс выработки механизмов улаживания противоречий как через систему обычной представительной демократии, основанной на приоритете гражданских лиц, так и на основе демократии согласия или консенсусной демократии, т. е. принципов справедливого учёта коллективных интересов, особенно интересов малых национальных групп. В этнически разделённых обществах должна действовать целая система мер и механизмов, которая позволяет даже небольшим группам занимать своё место в управлении, а в ряде случаев обладать правом абсолютного вето по всем вопросам культурной автономии и правом временного вето по другим вопросам, затрагивающим интересы группы. При этом в основе всегда лежат принципы и права человека, которые дополняются политикой плюрализма и культурной автономии.

Демографический фактор также является мощным детерминантом межнациональных отношений. Узконациональный подход склонен видеть в полиэтничном электорате угрозу собственным позициям и использует различные способы изменения пропорций в пользу одной группы. Это может быть выталкивание иноэтнического населения с территории государственного образования, ограничения в гражданстве, предпочтительные избирательные процедуры и т. д. Желание национальных элит обеспечить большинство на «своей» территории на сегодня является одним из препятствий утверждения порядков и источником межэтнической напряжённости.

Для нормализации этнополитической ситуации на Северном Кавказе, по мнению многих специалистов, ученых требуется:

- четкое определение кавказской политики России на основе национальных интересов, уважения прав человека и прав народов;
- правовая и социально-экономическая модернизация региона при сохранении административно-территориального статус-кво, выход региона из депрессивного состояния;
- укрепление системного единства правового пространства России, включая и Северный Кавказ;
- переход от межэтнических отношений конкурентного типа к межэтническому диалогу и сотрудничеству (к демократии согласия);
- сохранение толерантных отношений между традиционными конфессиями и терпимость к новым религиозным течениям;
- профилактика и недопущение экстремизма и терроризма;
- решение вопросов разделённых народов, репрессированных народов, беженцев и вынужденных переселенцев, оттока русского населения;
- поддержка этнопрофессиональных традиций как местными, так и федеральными властями;
- использование потенциала внутрироссийских и зарубежных диаспор коренных народов Северного Кавказа;
- создание правовых гарантий для функционирования независимых, неангажированных государственными, международными и финансовыми группами информационно-аналитических структур по Северному Кавказу.

В отношении культуры этническая идентичность, в силу дихотомии друг/враг, всегда избирательна, хотя теоретически вполне допустимо мирное сосуществование культур. Ещё С.Н. Булгаков отмечал, что сближение существования многих наций порождает между ними не только чувство солидарности, но и борьбы. Культурные особенности сами по себе не могут быть причиной, каких бы то ни было коллизий, а тем более конфликтов.

Но как бы не различались культурные и политические традиции, государственные устройства, всё же есть общее понимание таких категорий как толерантность, терпимость. Терпимость включает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия, это свойство открытости и свободного мышления, личностная или общественная характеристика, предполагающая осознание многомерности социальной среды и мира.

Может быть, косвенно способствует межэтнической напряженности и доктрина права на самоопределение народов. В современном мире существуют проблемы, касающиеся концептуализации, правового обеспечения и механизмов реализации принципа этнического (политического) самоопределения. С.Чешко выдвигает несколько пунктов в отношении доктрины самоопределения:

- во-первых, нет доказательств того, что этот принцип можно отнести к числу базовых прав человека и, главное, что он обеспечивает его интересы;
- во-вторых, отсутствуют недвусмысленные международные правовые нормы, пригодные для толкования и реализации такого права;
- в-третьих, нет четких критериев определения предлагаемых субъектов права на этнополитическое самоопределение;

- в-четвертых, нет бесспорных, с точки зрения демократических принципов, процедур осуществления этого права, которое бы позволило обеспечить именно самоопределение этнических групп, как неких целостных образований;

- в-пятых, нет способов совместных этнических самоопределений с другими правовыми нормами, призванными обеспечить поддержание политического миропорядка и интересы других этносов.

Вместо того, чтобы предпринимать всё новые и бесплодные попытки сделать принцип самоопределения реализуемым на практике, есть, видимо, смысл задуматься, не является ли сам этот принцип заблуждением.

Чтобы искусственно не обострять этот вопрос, необходимо сделать акцент на разъяснение того, что только последовательное развитие демократического устройства общества, строительство гражданского общества может привести и к решению этнических проблем.

Конференция «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика межэтнических конфликтов» в Анапе

Вот некоторые принципы работы британской полиции:

- Рекомендации для полиции
- Индикаторы национальной напряженности
- Тренинги для сотрудников полиции
- Национальный состав полиции должен соответствовать национальному составу территорий
- Ежегодный отчет о жизни полицейских из нац. меньшинств
- Исследуется любой инцидент, даже «не преступление»
- Стимуляция граждан заявлять о расовых инцидентах

Совместные тренинги офицеры полиции + представители нац. меньшинств

Если полицейский использует расистский лексикон, следует расследование, в подтвержденных случаях - увольнение

Вот некоторые приемы профилактики межнациональных конфликтов, используемые в Ростове-на-Дону:

Видеокамеры в общежитиях

Кнопки тревожной сигнализации в общежитиях

Студенческие отряды по охране общественного порядка

Введение должности школьный инспектор - постоянное присутствие в школе + психолог (одна из задач: привить толерантность)

Программа профилактики правонарушений

Программа «Молодежь Дона»

В случае конфликта с молодежью, работа с детьми и родителями

Проведение семинаров и круглых столов в районах области

Анализируя озвученный всеми докладчиками опыт становится понятно, что в разных местах России есть разные рецепты противостояния ксенофобским настроениям в обществе, порождающим конфликты. И нашей задачей во второй части конференции стало обобщение разноформатной информации в единые рекомендации, которые можно направить в правоохранительные органы, органы власти и довести до национальных общественных объединений, надеюсь, что их примут к сведению и введут в повседневную рабочую практику, как это было в Карелии:

Рекомендации органам власти и милиции

Необходимость подписания соглашения о взаимодействии между органами власти, местного самоуправления, правоохранительными, национальными и религиозными объединениями

Создание и проведение обучения специалистов органов власти, специальных подразделений для работы в сфере этноконфликтов (группы переговорщиков)

Обобщение и распространение положительного опыта работы в сфере этноконфликтов между регионами

Создание подразделений для работы в сфере этнополитики при ГУВД

Министерству регионального развития РФ создать банк данных по правовому и научно-методическому обеспечению деятельности субъектов федерации в этнополитике, в том числе включая международный опыт

Организация и проведение молодежных полиэтнических летних лагерей

Министерству регионального развития РФ, Министерству культуры РФ, Министерству образования РФ использовать федеральные СМИ для пропаганды этнополитики

Обеспечить принятие законодательства, обеспечивающего научно-обоснованного управления миграционными потоками

Включить в обучение сотрудников милиции традиционные обычаи народностей проживающих в регионе

Создание Министерства по делам национальностей

Повышение заработной платы сотрудникам ГУВД

Принимать на работу в ГУВД, органы власти представителей этнических меньшинств

Создание независимой антидискриминационной комиссии при Омбудсмене

Создание совета представителей национальностей при главе региона

Создание региональных информационных консультативных центров по проблемам мигрантов (совместно с обществ) по социально-культурной адаптации мигрантов.

Рекомендации общественным организациям

Создание объединяющей структуры (центры, ассоциации, общественные советы и т.д.) для этнических организаций

Выработка общей программы действий; согласований с администрацией; проработка финансовых вопросов - участие в общественных советах из НКО при ГУВД, при УФМС - инициирование соглашения с Администрацией., ГУВД, УФМС, СМИ о совместной деятельности

Участие в обучающих программах для лидеров национальных объединений, в том числе по социальному проектированию

Диалог со СМИ (пресс-конференции, пресс-релизы, подписание соглашений)

Участие в обучающих программах для различных слоев населения по этническому многообразию России, края (видеопрограммы)

Участие в молодежных лагерях толерантности

Создание видеотеки с обучающими программами по особенностям поведения представителей разных этносов (авторы - ученые + представители НКЦ)

Создание филиалов НКЦ в городах и районах субъекта

Участие в мониторинге случаев дискриминации, фактов межэтнических напряжений

Принятие участия в создании и обучении актива переговорщиков

Создание программы НКО работающих с молодыми

Рекомендации органам милиции и органам местного самоуправления по критическим действиям

Проведение тренинга по способам проведения для органов милиции, администрации и муниципальной власти, культурные мероприятия с милицией

Соглашение о взаимодействии между религиозными объединениями, нац. общественных объединений, МВД, миграционная служба, ОМС, уполномоченный орган исполнительной власти.

Создание филиалов нац. Организаций в маленьких городах

Подготовка переговорщиков для работы с толпой

Не отставать от оппонентов в подготовке

Совместный мониторинг различных регионов

Издание полезной литературы

Переориентация всей работы органов власти, создание молодежных лагерей на этно-толерантной основе

Адекватная терминология

Иметь везде своих людей

Роль женщин, бабушек

Индексация эффективности работников

Выделение зон различного уровня нестабильности

Уровень комфортности и лидерства

Профессиональная работа по национальностям, в т.ч. переговорщиков

Ещё в 2005 г. На очередном заседании правительства Москвы была принята новая среднесрочная городская программа "Москва национальная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия", сроком на 2005-2007 годы.

В столице проживают представители 167 национальностей, существует 147 национальных диаспор, насчитывается до 50 различных религиозных конфессий. Растет день ото дня поток мигрантов, говорящих чуть ли не

на всех языках планеты, и напряжения в городе вокруг этого процесса не замечать просто невозможно.

Как показало социологическое исследование НИИ социальных систем МГУ им. Ломоносова с 14 октября по 13 ноября 2004 года, увеличения притока мигрантов в Москву жители столицы боятся даже больше, чем роста тарифов на электроэнергию и теплоснабжение. Более половины опрошенных (51 процент) согласны с утверждением, что "южане" выжили русских с рынков силой и подкупом местных властей. Именно к выходцам с Кавказа хуже всего отношение москвичей. Особенно наглядно это показал ответ на вопрос: кого из приезжих москвичи не хотели бы видеть своими соседями по дому. От 45 до 47 процентов горожан ответили, что дагестанцев, ингушей, осетинов, чеченцев. Две третьих москвичей огорчает скупка квартир в городе представителями иных национальностей. 6 из 10 человек отрицательно относятся к росту количества гастарбайтеров. Причем приехавшие из республик СНГ строители, с которыми горожане сталкиваются редко, их раздражают меньше, чем скажем, водители автобусов из зарубежья.

Открытием как для ученых, так и для властей стало то, что в разных округах столицы разное отношение к межнациональному вопросу. Так, например, в центре столицы относятся терпимее всех к приезжим: уровень толерантности жителей там самый высокий - 51,9 процента. А самый низкий - в Северо- Западном и Восточном округах, где толерантность измеряется 36,1 и 38,2 процента соответственно. Именно эти округа и были названы самыми проблемными в межнациональном отношении.

Как оценивают сами москвичи уровень межнациональных отношений в городе? 47 процентов из них считают, что они ухудшились за последние пять лет,

еще 24 процента ответили - скорее ухудшились. И лишь 1 процент жителей столицы полагает, что эти отношения стали лучше.

Как же сохранить в такой ситуации гражданский мир в городе? Не дать выплеснуться этим уже проявившимся и еще тлеющим противоречиям? Столичные власти пришли к выводу, что сделать это можно лишь с помощью политики, которая будет основываться не на национальных различиях жителей столицы, а напротив, на стремлении объединить жителей мегаполиса, связанных общими интересами, общими проблемами, в единый социум. Образно говоря, у всех, кто живет в Москве, должна быть одна национальность - москвич. При этом на родной язык, свободу вероисповедания и т.д. никто, конечно же, не посягает. Ученые полагают, что работа в таком направлении поможет быстрее адаптироваться в городе и новым москвичам, вчерашним мигрантам. Причем начинать ее нужно со школ, так как именно у молодежи и у лиц с низким образованием острее всего национальная нетерпимость. В частности, специалисты порекомендовали департаменту образования создать на базе школ с этнокомпонентом сеть постоянно действующих курсов "Будь москвичом" или "Как стать москвичом".

Подобный путь к гражданскому миру и солидарности горожан - не выдумка теоретиков. Он подсказан самой жизнью. Дело в том, что в ходе того же исследования выяснилось, что 90 процентов зарегистрированных москвичей, независимо от национальности, называют себя русскими, что подтверждает слова Юрия Лужкова, называющего Москву "открытым русским городом". Это вполне соотносится с результатами проходившей в Москве Всероссийской переписи населения в Москве, согласно которой русскими назвали себя 84,8 процента, украинцами - 2,5, татарами 1,6, евреями - 0,6, белорусами - 0,6 процента.

Доля представителей остальных национальностей, легально зарегистрированных в столице, не превышает 15 процентов.

Еще одна особенность новой столичной программы - ее направленность на работу по округам. То есть по тем границам, где острее всего сегодня и проявляется национальная нетерпимость - по ДЕЗам, жэкам, паспортным столам и так далее. Ради этого, в частности, решено реформировать комитет межнациональных связей в департамент, а во всех префектурах завести в штатном расписании должность советников префекта по нацвопросам.

Факторы, имеющие влияние на возникновение и предотвращение межэтнических конфликтов.

На образование обычно возлагаются большие надежды как на фактор, способный предупредить или, по меньшей мере, смягчить социальные конфликты, исходя из того, что высокообразованные граждане более привержены принципам социокультурного многообразия и гораздо терпимее относятся к проявлению инаковости в социальных статусах, позициях и предпочтениях. Однако социологические исследования показывают, что образование само по себе не способствует формированию терпимости в отношении Другого. Это привело к осознанию необходимости внедрения в образование *педагогике толерантности*. Но практическая возможность использования образования в качестве института социализации для воспитания толерантности как средства борьбы с этнофобией, находится пока в зачаточном состоянии.

Другой институт – *религия* – сегодня остается как основным фактором культурно-этнического самоопределения, так и важнейшим источником нестабильности в современном мире. По данным Комиссии

по правам человека при ООН, преобладающая часть мировых конфликтов до сих пор возникает на религиозной почве.

Справедливо считается, что сила Церкви заключается в ее нравственном влиянии на людей и ее главное орудие – слово. Сегодня она активно использует это оружие в борьбе за толерантность, выступая против расизма и призывая к мирному урегулированию конфликтов. Однако ни религиозность как таковая, ни религиозная образованность не могут служить гарантом веротерпимости. И религиозность в этнополитическом конфликте может играть как стабилизирующую роль, так и способствовать его развитию и обострению.

В информационную эпоху люди руководствуются представлениями о том или ином народе, основанными не столько на своих личных впечатлениях и контактах (они всегда весьма ограничены), сколько на сообщениях *прессы*. Соответственно, СМИ не только оказывают заметное влияние на этнополитические конфликты, но стали мощнейшим оружием в управлении вооруженными конфликтами. Они располагают властью раздуть или уменьшить пламя конфликта. И то, как сегодня они осуществляют свое влияние, приводит к выводу, что иногда лучшим средством преодоления конфликта является их полное невмешательство.

Современные социальные институты способны оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на ситуации политической напряженности и проявления межнациональной конфликтности. Положительный опыт свидетельствует, что при наличии понимания и доброй воли, желания и профессионального умения они могут внести определенный вклад в укрепление стабильности в обществе. Однако их реальные успехи сегодня явно недостаточны для того, чтобы

переломить негативные тенденции в развитии межэтнических отношений.

*Никитина Наталья Ивановна,
канд. философ. наук, доцент
кафедры политологии и социологии МГСУ*

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В МЕГАПОЛИСЕ

Одна из фундаментальных потребностей человека — жить во взаимодействии с другими людьми, то есть принадлежать к какой-либо общности: семейной, родовой, дружеской, трудовой и т.п. Важнейшее место в этом ряду принадлежит общности этнической. Самоидентификация “я - русский” или «я - белорус» — это не просто встроенность индивида в сетку социальных координат, но и выражение глубинной потребности человека быть частью одной из наиболее устойчивых социальных общностей — этноса. Социальное ущемление этой важнейшей потребности неминуемо ведет к появлению конфликтов.

В науке до сих пор нет общепризнанного понятия “этнос”, так как разные этнологические школы выдвигают на первый план различные факторы формирования этносов: объективные - связь со средой, общность территории и др., субъективные: самосознание народа, общность духа, религии, чувство солидарности; природные – ландшафт, климат, ресурсы и т.д.; исторические – зарождение этноса, его развитие, культурные особенности, взаимодействие с другими народами. Известный российский этнолог В. А. Тишков, например, дает следующее определение: «Этничность утверждает себя как устойчивая совокупность поведенческих норм или социально-нормативной культуры, которая поддерживается определенной внутриэтнической информационной структурой: языковыми, родственными или другими контактами». С социологической точки зрения, этническая идентичность задается, прежде всего, внутригрупповыми нормами поведения, особенности которых фиксируются языковыми, нравственными, эстетическими, религиозными и прочими социо-культурными средствами. Дополнительные прочность и единство этносу придают общность истории и сплоченность вокруг общих символов.

Наряду с понятием “этноса” для характеристики отношений между народами используется понятие “нация”. В мировой практике оно означает союз граждан одного государства. Поэтому, определяя соотношение понятий “этнос” и “нация”, можно сказать, что нация — это этнос, обретший свою государственность. Помимо этого, в научной литературе понятие «этноструктура» (этнообразование) разведено в два понятия: "нация" (как этнос только в пределах своего государства) и "национальность" — этнос, находящийся за "своими" государственными пределами. Отсюда, соответственно, межнациональные конфликты определяются как конфликты на межгосударственном уровне, а межэтнические — как конфликты между различными этногруппами на конкретной территории, в нашем случае, на территории мегаполиса. Согласно современной трактовке, межнациональный конфликт по своей сути — это форма гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из них, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий. В нашем случае напряженность, которая может привести к межнациональному конфликту, выражается, в основном, в социальной конкуренции или в страхе утраты статусных позиций.

В последние годы XX века объективное ускорение всех энерго-информационных процессов на нашей планете привели к разрушению сложившихся гео-политических систем и привычных социально-экономических механизмов, изменению системы ценностей и установлению новых норм и правил жизни. Следствием этих процессов стала ломка жизненных стереотипов у множества людей. Массовые миграционные процессы, начавшиеся во многих странах и регионах, закономерно повлекли за собой учащение межэтнических и межнациональных конфликтов во всем мире.

Проблема этнических конфликтов в нашей стране стала исключительно актуальной после развала СССР. В динамике населения стран СНГ произошли принципиальные перемены. Чуть ли не впервые за все последнее столетие из некоторых бывших союзных республик начался массовый отток населения в Россию и другие государства. Это особенно заметно в странах

Закавказья и Средней Азии. Встает закономерный вопрос: ради чего было обретать независимость, чтобы потом бежать от нее? Большинство аналитиков сходится во мнении, что предоставленные самим себе новые государства СНГ от развала Союза только пострадали. Никто, кроме властвующей элиты, коррупционеров и небольшой группы преуспевающих предпринимателей, от происшедших перемен ничего не выиграл ни в материальном положении, ни в связанном с ним образе жизни.

При интенсивном перемещении в Россию, и особенно в Москву, народов из других стран СНГ этнодемографическая ситуация здесь крайне осложнилась. При этом отток населения, во всяком случае, из Москвы, Петербурга и других крупных городов весьма ограничен. Из этногрупп в Москве он реально коснулся лишь евреев, немцев и прибалтов, искавших на Западе преимуществ. Эта убыль с лихвой компенсировалась частично русскими, но преимущественно народами бедствующих национальных регионов. Переписи зафиксировали рост населения Москвы с 8,97 млн. в 1989 году до 10,36 млн. в 2002 году. При значительном снижении естественного прироста москвичей это действительно говорит о массовом притоке мигрантов. В результате в Москве в несколько раз выросла численность армян, азербайджанцев, грузин и увеличилась их доля в населении столицы. Многие грузины, например, по признанию президента Саакашвили, в российской столице "обзавелись качественным жильем, хорошей работой, отдали детей в русские школы, переженились на русских девушках и возвращаться в Грузию вроде не собираются".

В результате происшедших перемен этническая структура населения Москвы заметно преобразилась. Несмотря на интенсивный прирост русских мигрантов, доля их в составе столичного населения не только не увеличилась, но и уменьшилась, а удельный вес азербайджанцев, армян и грузин заметно вырос. Парадоксально, но факт: Москва, перестав быть столицей многонационального Союза, заметно "полиэтнизировалась". Судя по практике некоторых других европейских государств, перспектива расширения этнической мозаичности Москвы будет сохраняться. Например, среди

жителей Лондона и Парижа доля некоренных национальностей заметно выше - 20% и 28,5% соответственно. Учитывая нынешнюю тенденцию сокращения естественного прироста русского населения и дальнейшего увеличения этнической мозаичности столицы, следует объективно оценить ситуацию и выработать разумную этнодемографическую стратегию, пишет Ю.В. Арутюнян в статье « О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе » в журнале «Социологические исследования» № 1 2005г. В настоящее время этнополитика в Москве попросту неверна. Вместо того, чтобы выйти на путь активной межэтнической идентификации с целью будущей интеграции многонационального населения столицы, руководство страны и города скорее способствует росту не "московского", традиционного национального самосознания, стимулируя, в частности, систему национально-культурных автономий. Однако, из мировой практики известно, что одностороннее воспитание национального самосознания поощряет этнический сепаратизм. А это в перспективе, как , например, сейчас в Париже, может привести к обособлению национальных меньшинств, культивированию этнической атрибутики и, при определенных разногласиях с титульной нацией, - росту агрессии. Такие тенденции в нашей столице пока "дремлющие", и, если вовремя обратить внимание на них, учитывая европейский опыт, можно избежать осложнений и способствовать оптимизации национальных процессов. С этой точки зрения, важно понять неоднозначность сложной структуры формально однородной этнической группы, сосредоточенной на одной территории как в Москве. В обыденном сознании, в науке и национальной политике у нас продолжают сохраняться стереотипные представления об этносах. Но этнос - это слишком общее отвлеченное понятие, которое не дает представление о его внутренней дифференциации. В реальной действительности такого интегрированного организма как этнос, во многих случаях давно уже нет, а этногруппа (например, армяне Москвы) объединена внешне лишь своим названием. Любая столичная этническая группа может быть внутренне сильно дифференцирована не только социально, но и этнически. В

реальной действительности она многообразна, а каждый "образ" требует своего понимания и своего подхода при восприятии и тем более регулировании. В этнических характеристиках между однотипными группами разных этносов может быть гораздо больше общего, чем внутри каждого из них. Поэтому говорить о единых этносах в условиях мегаполиса, тем более директивно учрежденных центром национально-культурных автономий, нет никакого основания.

Если мы проанализируем московские этногруппы, то почти любая из них внутренне дифференцирована не только социально, - например, в диапазоне от "люмпена", криминальных образований до творческой интеллигенции, предпринимателей, административно-управленческих групп, но и этнически - от, образно выражаясь, представительства в "плавильном котле", затем в "салате" (винегрете) и до сугубо "закрытого" этнического образования. Последнее в современном мире, тем более в условиях столичного мегаполиса, даже для цыган - скорее лишь теоретическая возможность.

А два других образа - "плавильного котла" и "салата" - вполне реальны. Жизнь многообразна не только в пределах одного государства, но и в пределах локальных образований, где возможно разное проявление этнического.

В 2000-2004 гг. Институт социологических исследований РАН провел масштабные опросы общественного мнения по этническим проблемам в столице. Опираясь на конкретные материалы исследования, социологи попробовали оценить меру единства и различий выделенных этногрупп в московской среде, факторы влияния и процессы, протекающие в сфере межэтнических отношений.

В настоящее время Москва как мировой мегаполис(а не просто столичный центр) находится перед альтернативой: 1) либо полиэтничный состав столичного населения, увеличиваясь, приведет к росту сепаратизации, этнической нестабильности и конфликтам; 2) либо, этноинтегрирующие факторы будут столь активны и действенны, что в перспективе стимулируют интеграцию столичного населения. Проще говоря, для человека, живущего в Москве, более важной характеристикой должна стать не «я – казах» или «я –

молдованин», а « я - москвич». И, в идеале, это не только не оторвет индивида от своего этноса, но даст ему дополнительный вес и авторитет среди сородичей.

Совершенно очевидно, что тот или иной оборот этносоциальных процессов в столице во многом будет влиять на ситуацию этнических отношений в России в целом. Отсюда особая значимость этих процессов в столичном мегаполисе и особый интерес к ним. Эта тема затрагивается в специальных работах В.Н. Иванова, И.В. Ладодо, М.М. Назарова по национальным проблемам. В научной литературе есть близкие к этому профилю исследования по другим регионам. Прямо отвечает этносоциологическим целям работа О. Вендиной, посвященная этническим группам Москвы (ею было опрошено 3500 москвичей). Было выявлено контрастное расслоение этногрупп в столице и изменения в этих процессах. Сделан вывод о том, что "миграционный поток в Москве сильно поляризован» - он дифференцирован по социальным признакам, и формально единые этногруппы совершенно по-разному приобщаются к столичной среде.

Московские этногруппы, согласно материалам социологических исследований, лишь формально могут принадлежать к одному этносу. Принято считать, что родина у человека там, где "могила его предков". Но в настоящее время при общей национальной принадлежности и даже "одной родине" у людей реально может быть совсем разная интенсивность выражения этнических черт. Другими словами, сегодня роль играет не столько "география" происхождения человека, сколько его социально-этнический облик.

В советскую эпоху, когда миграция людей разных национальностей в столицу диктовалась, прежде всего, стремлением к собственному социальному росту (образование, повышение профессионального статуса, творческий рост и т.п.) мигрировали и утверждались в Москве, прежде всего, активные, развитые и социально насыщенные этноэлементы, которые быстро адаптировались к новой столичной среде. Они, по существу, создавали здесь полиэтничное ядро, органически вписанное в столичный социум - общность москвичей. Сейчас ситуация иная. Наряду с подобными динамичными группами, из

СНГ чаще и обильнее перемещаются экономически страдающие и ущемленные слои, испытывающие жизненные затруднения у себя. Эти слои сильно дифференцированы социально и плохо приспособлены к новой, тем более, столичной, среде.

Понятно, что "гостеприимство" москвичей по отношению к новым мигрантам меняется также с учетом этих и других сложностей.

Перемещения в Россию из стран СНГ в соответствии с правовыми положениями в настоящее время относительно затруднены (хотя для многих, в том числе для жителей Армении, сохраняется безвизовый режим). Мигранты должны регистрировать срок своего пребывания в столице в пределах 90 дней. И, хотя многих из новоприбывших тянет обратно на родину, люди стремятся все же пока закрепиться в России, т.к. дома тяжелее жить и нет возможности зарабатывать. Но и в Москве им совсем непросто. Наряду с общей атмосферой столицы, где у многих москвичей нет понятия национальности, и здесь набирают силу воинствующие организации (группировки типа скинхедов и их хозяев), которые, выступая якобы за государственную нацию русских, не останавливаются перед агрессивными бесчинствами, побоищами и даже кровопролитиями.

Для защиты интересов групп разных национальностей в России создано множество институтов, среди которых наиболее представительными являются национально-культурные автономии - но они чаще всего не достигают сколько-нибудь реальных целей. Эти организации достаточно однобоко понимают наиболее сложные задачи национальных отношений и, вместо того, чтобы воспитывать взаимное уважение народов, больше заняты самовосхвалением культуры и заслуг "собственных" этносов. Такой культ самосознания нередко бывает не на пользу, а в ущерб сотрудничеству народов. Гораздо полезнее воспитывать взаимное уважение конфликтующих национальностей, чтобы создать почву для их взаимопонимания и взаимного сотрудничества.

Однако, вопреки всему, объективные процессы в столичном мегаполисе в значительной мере порой сами по себе ведут к взаимопониманию контактирующих этногрупп. Это

происходит, даже когда у "родных истоков" эти группы жили не в согласии (как, например, армяне и азербайджанцы) и настроены чуть ли не враждовать друг с другом. В определенной мере эти отношения нейтрализуются в российской среде,

в том числе в Москве, где на различных уровнях предпринимаются усилия по решению проблем социально-этнического развития столичного мегаполиса.

Социологическое исследование Акопяна В.Ю. было посвящено сравнению двух конфликтующих у себя на родине этносов - армян и азербайджанцев. Именно их сравнение в столичном мегаполисе дает возможность судить о богатом потенциале этносотрудничества и единения, которые не используются властями города и страны в должной мере.

Сравнение ответов телефонизированных, условно говоря, "москвичей" с "этнофорами" (т.е. тех, кто прибыл сравнительно недавно в Москву и не обрел своей жилплощади (и телефона)) позволило выявить в каждой этногруппе полярные образования и оценить реальный разрыв в процессе адаптации выделенных групп населения к московской среде. Результаты исследования показали эволюцию взглядов и поведения людей от разобщения до глубокой межэтнической идентификации, направленной в перспективе к интеграции типа "плавильного котла".

При сравнении совокупных этногрупп старожилов-москвичей и новоприбывших обнаруживается большая разница по всем индикаторам, связанным с образованием и социальным статусом. Среди армян-москвичей 2/3 имеют высшее образование, у новоприбывших таких не более 1/3! примерно такой же разрыв в образовании наблюдается и у азербайджанцев: среди "москвичей" их почти половина (47%), среди новоприбывших - 1/4. Соответственно "москвичи" и новоприбывшие - и армяне, и азербайджанцы - занимают разное социальное положение. Чуть ли не половина новоприбывших 47-48% и тех, и других одинаково заняты в торговле и сфере обслуживания. А "москвичи" - и те, и другие - в больших пропорциях сконцентрированы в науке, здравоохранении, воспитании, культуре, т.е. тех занятиях, которыми их "соплеменники-немосквичи" занимаются в 2-3 раза реже.

Поэтому имеет место глубокая разница во всех сферах жизни не между национальностями, а названными социальными группами.

Русский язык является одним из наиболее мощных интегрирующих факторов, органически связанным со многими проявлениями образа жизни и межнациональных отношений. Практически все москвичи-старожилы - как армяне, так и азербайджанцы - в совершенстве владеют русским языком. Новоприбывшие в этом отношении - контрастная группа. Чуть ли не треть их, живя в Москве, плохо знает русский язык, что реально отражается на их социальной занятости.

Полученные в исследовании данные четко показали, что этнические группы столицы дифференцированы не столько по национальной принадлежности - армянин или азербайджанец, сколько по мере приобщения к столичной, в данном случае языковой, культуре. Важнейшим фактором в освоении языка является детское воспитание, а затем уже время пребывания в России. Если сравнивать по поколениям "родителей" и "детей", то становится более очевидным, что у детей основной язык в столице -

русский. Язык, являясь средством, значительно облегчающим адаптацию мигрантов к столичной среде, играет роль в выборе работы, жизнедеятельности и, безусловно, сказывается на интенсивности межнациональных отношений.

У москвичей-старожилов прослойка интеллигенции 57% у армян и 51% у азербайджанцев. Не будет преувеличением сказать, что у москвичей-старожилов доминирует российская культура, что во многом определяет их образ жизни в мегаполисе. При этом недавно приехавшие "по бедности" их "соплеменники" преимущественно живут своей прежней жизнью, оставаясь верными традиционным нормам культуры. Для большинства старожилов родина - это Россия или Союз ССР. А для "этнофоров" - и армян, и азербайджанцев - родина, прежде всего, "своя" республика (60-80%).

В чем сходятся армяно-азербайджанские москвичи-старожилы и "новоприбывшие" этнофоры - это в оценке прошлого. При всех различиях в социально-культурных характеристиках и

принципиальных политических установках и те, и другие абсолютно убеждены в преимуществах ситуации, которая доминировала в условиях Союза ССР и выражают пожелания "возрождения" СССР. Причем, азербайджанцы еще больше, чем армяне, вопреки идеологии своих властных групп в республиках-государствах, устойчиво ориентированы на "возрождение Союза". Это косвенно подтверждает, что происшедший после развала Союза социально-политический переворот в судьбах людей по существу шел вразрез с глубинными ориентациями народов нашей многонациональной страны.

Сказанное подтверждается также ответами респондентов о внутреннем самоощущении своего гражданства. Отвечая на вопрос "Кем себя больше чувствуете - россиянами, армянами (или азербайджанцами), европейцами или "гражданами мира"?", жители мегаполиса в первую очередь самоопределялись как россияне. Частота российских выборов увеличивалась по мере "коренизации" этих групп в столице, а затем пропорционально времени проживания в Москве. У новоприбывших преобладали выборы собственной национальной принадлежности.

Процесс инкультурации в жизнь мегаполиса (с последующей межнациональной идентификацией) имеет множество проявлений в общественном и личностном плане. Например, в интимной сфере у москвичей-старожилов разных национальностей он образно выражается и в дружеских контактах и особенно ярко в национально-смешанных браках. У армян-москвичей, имеющих близких друзей, больше половины их (53%) - русские и затем уже сами армяне (31%), вслед за ними люди других национальностей (16%). Такое же распределение у азербайджанцев-москвичей, подавляющее большинство их связаны дружескими контактами с русскими (40%), затем азербайджанцами (37%) и потом с другими национальностями - 23%. У новоприбывших преобладают связи с людьми своей национальности, а у проживающих в Москве 10 и более лет дружеские отношения с русскими бывают уже так часты, как с людьми "своей" национальности.

Особенно выразительна межнациональная идентификация проявляется в национально-смешанных браках. Больше всего

таких браков заключают армяне (56%), у азербайджанцев-москвичей их до 30%. В такие браки чаще вступают мужчины, а их дети обычно принимают отцовские фамилии. Но даже в том случае, когда дети сохраняют родительскую национальность, они, находясь в Москве, в подавляющем большинстве случаев не наследуют «фамильную» культуру и уже не знают своего родного языка.

Такие дети ощущают себя столичными жителями и возвращаться на родину родителей не собираются.

Конечно, приходится сожалеть, что те или иные виды сугубо этнической культуры не отвечают потребностям столичной среды. Сохранять этнокультуру можно и должно, но не надо смешивать музейные ценности с жизненными, отмечает Ю. В.Акрутюнян. Жизненно устойчивые ценности сами сохраняются и обогащаются безграничным арсеналом мировой культуры. Аксиология подтверждает: если ценности объективно значимы, они не исчезнут без следа. Классическое искусство Древней Греции, например, об этом убедительно свидетельствует. В отношении наиболее значимых ценностей различных этнических культур можно утверждать, что гармоничное встраивание их в общую политру российской культуры будет служить взаимному обогащению не только этих наций, но и всего нашего народа в целом. Этот интегрирующий процесс должен быть поддержан на всех уровнях, вплоть до высшей государственной власти.

Что готовит нам будущее? Социологи прогнозируют дальнейший рост межэтнической интеграции многонационального столичного населения, хотя этот процесс не является гладким и простым. В облике этнических групп Москвы очевидны внутригрупповые социальные различия, которые делают затруднительной такую целостную интеграцию. Тормозящим фактором здесь выступают консервативные группы среди групп мигрантов-этнофоров, относительно плохо адаптированных к среде столичного мегаполиса и не желающих прикладывать усилия к этой адаптации.

Консервативные и реакционные силы действуют не только у названных исследуемых народов, но также у русских, например,

в националистических образованиях типа "Русского национального единства", национал-коммунистов или скинхедов. Между русскими националистами и столичными инонациональными старожилами-москвичами сейчас формально нет конфликтных отношений. «Чужаками» воспринимаются больше новоприбывшие.

Роль СМИ в процессе регуляции межэтнических отношений трудно переоценить. Она может быть как позитивной, так и негативной. Однако, чаще всего в периодической печати разворачиваются кампании нагнетения отрицательных настроений в отношении мигрантов столицы. Однажды даже сообщалось, что до половины всех преступлений в Москве совершаются людьми нерусских национальностей. Так это или нет на самом деле, сказать трудно. Но стоит ли распространять как массовую информацию такого рода? Проблема журналистской этики и связанной с нею ответственности встает сегодня как наиболее насущная для отечественных СМИ.

Мировая практика доказывает решающую роль интеллектуальной элиты в сломе негативных стереотипов массового сознания. Из этой среды, как правило, выдвигаются лидеры общественного мнения, которые начинают транслировать новые идеи массам. Так, например, в США стереотип расовых предрассудков подавляющего большинства населения был изменен в невиданно короткий срок. В Америке расизм существовал не один век, причем поддерживался высшими эшелонами власти. Еще в 60-е годы прошлого столетия в Вашингтоне, за исключением Центрального вокзала, не было места, где белые и черные могли бы официально встречаться, все было сегрегированно. Эта социальная ситуация изменилась радикально буквально за несколько лет! Главную роль сыграли умные и популярные лидеры, сфокусировавшие общественное мнение на новых взглядах и, разумеется, стоявшие за ними финансовые магнаты, владеющие средствами массовой информации. Когда расовые волнения начали угрожать полным коллапсом политической и экономической жизни страны (буквально в полукилометре от Белого дома горели кварталы, а в нескольких сотнях метров от Капитолия бушевали постоянные расовые стычки), правящая элита США, а

также представители среднего класса быстро осознали, что всему их благоденствию и благосостоянию может прийти конец. Можно использовать этот опыт для разрешения проблемы межэтнических конфликтов в нашей стране.

Важно отметить, что многое в национальных отношениях в столичном мегаполисе зависит от их регулирования московской властью. Вряд ли верен национальный критерий для разделения общества, даже когда он, на первый взгляд, продиктован заботой о межэтнических отношениях. Дифференцировать, а тем более локализовать людей по национальности в столицах крайне опасно, тем более что такая тенденция может со временем дать о себе знать и в сферах деятельности и, что еще хуже, - в территориальных московских образованиях. Это может породить внутрстоличное этническое разделение и сепаратизацию, что потенциально таит угрозу межнациональных конфликтов в Москве.

Исследователь национальных проблем в столице С.А. Пестрякова пишет о целесообразности использования "даже административных мер, препятствующих компактному расселению жителей Москвы по этническому признаку". Различные национальные группы не должны иметь в столице "своей" границы и возможностей территориально противостоять друг другу. Поэтому в связи с этим надо менять и направленность деятельности создаваемых сейчас в Москве национально-культурных автономий. Они не должны сводить свою работу к информации о жизни и интересах только "своих" этносов, тем более стремиться к их внутренней консолидации. Такая консолидация нередко достигается ценой противостояния якобы "своим" этническим оппонентам или даже врагам. Цели должны быть диаметрально противоположными и служить интересам целого, а не его части. Если страдает целое, то страдают и все его части. Это очевидная истина, и распад СССР - яркое тому подтверждение.

Вооруженные конфликты между этносами, допустим армяно-азербайджанская война, должны подвергаться осуждению. Главная задача любых СМИ, реализуемая в сфере межэтнических отношений, - это воспитание взаимопонимания

народов. Курс национальной политики этнических образований в столице должен быть подчинен не эгоистичным интересам национальностей и их противостоянию, а социально-культурному взаимодействию, общественному взаимопониманию и, в конечном счете, доминированию общих гражданских интересов - гражданскому единению. Это то, в чем нуждается столичный мегаполис и до чего он практически созрел.

Не государственный сепаратизм должен выражаться в общественных этнообразованиях, а гражданская общность и государственная целостность. В столице России тем более необходимо стимулировать гражданское взаимопонимание и социально-культурное единение. Совершенно очевидно: чтобы социальная система была эффективной, она должна подчиняться не культуре этносов и силы, а требованиям подлинной демократии, основанной на взаимном уважении и обогащающем все стороны взаимодействии. Безусловно прав М.Н. Губогло, утверждая, что "народы должны быть ориентированы на интеграцию людей различных национальностей в единое согражданство". Подлинное единое гражданство - основа разрешения этнических проблем и конфликтов. В московском мегаполисе, несмотря на остроту национальных отношений, для этого есть все основания.

*Никитина Наталья Ивановна,
канд. философ. наук,
ст. преподаватель кафедры
политологии и социологии МГСУ*

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Этническая социология в России начала формироваться в XIX веке в трудах русских этнографов и социологов: Н.Н.Харузина, В.Н.Харузиной, Г.Н.Потанина, П.Г.Преображенского, А.Д.Градовского, М.М.Ковалевского. Важную роль сыграла концепция "народности" и "культурно-исторических типов" Н.Я.Данилевского. Ставший впоследствии классиком американской социологии П.А.Сорокин также писал о сущности национального вопроса в России.

В первой половине XX века в советской науке С.М. Широкогоров обосновал теорию этноса, в которой впервые этническая группа рассматривалась как объект этнологии и социологии. Впоследствии академик Ю.В. Бромлей (1960-70 гг.) в своей теории формирования этносов дополнительно обосновал движение от этнической к этносоциальной парадигме изучения социальных явлений. В эти годы сложилось предметное поле этносоциологии, в котором особое место вскоре стали занимать этнические проблемы социологии города. Получили также развитие региональные этносоциологические исследования.

В постсоветской российской науке теория и практика этносоциологических исследований развивались такими учеными, как: Ю.В. Арутюнян, Л.М.Дробижева, З.В.Сикевич, А.А.Сусоколов, Н.Г.Скворцов, Г.В.Старовойтова, В.А.Тишков, С.В.Чешко и др. Трансформация предметной области этнической социологии произошла в 1980-90 гг. XX века - она заключалась в переходе от исследования "стабильного общества" к изучению "общества динамического". В начале XXI века в отечественной гуманитарной науке заметно активизировалось изучение проблем молодежи в контексте разнообразных социальных и демографических процессов

российского общества. Тем не менее, целостного осмысления молодежного социума как важнейшего ресурса преобразовательных процессов до сих пор по существу не сделано. В отечественной науке, в публикациях средств массовой информации современное состояние молодежной среды освещается в широком диапазоне. Однако, с точки зрения социологии, наиболее важны в этом плане научные работы, главной задачей которых является выработка новой концепции молодежной политики и рекомендации по управлению процессами, происходящими в молодежной среде. Молодежная проблематика в современных социологических и политологических исследованиях подтверждает актуальный тезис: молодежь должна быть не только объектом интеграционных процессов, но и субъектом, способным ускорять или замедлять интеграцию общества. Более того, молодежь является преобразователем социальной культуры и организации общества и, таким образом, предопределяет социальный прогресс. Это относится и к сфере межнациональных отношений в нашей стране, в которой накопилось немало проблем, не решаемых с позиций старых подходов. Современная российская молодежь жаждет обновления жизненных смыслов и ценностей и готова приложить к этому силы, т.к. она лидирует среди всех социальных групп в адаптации к новой реальности – реальности рыночных отношений (стремление к материальной состоятельности, ориентация на труд, карьерный и профессиональный рост) и реальности демократического государства (ориентация на свободу, независимость, самостоятельность).

Например, исследования Р.С. Гарифуллиной, Е.Л. Омельченко, В.П. Леньшина, Е.М. Усановой и др. направлены на осмысление молодежного сознания в условиях социальной трансформации. Ученые все чаще обращают внимание на такие проблемы, как: культура гражданства, понимание молодежью концепции свободы, переход молодежного социума на новый культурный уровень, соответствующий современным общественным реалиям, принятие новых ценностей, таких как: знания, профессионализм, ответственность и морально-

этическая позиция. На основе изучения этих проблем должны быть сделаны научно обоснованные выводы, которые будут использованы управляющими структурами для выработки действенной молодежной политики, в том числе, и в сфере межнациональных отношений.

В настоящее время социологи, политологи, социальные психологи и ученые других отраслей знания активно изучают расслоение молодежного социума, мотивацию к деятельности и поведенческие механизмы, молодежный экстремизм и протестные настроения, национальные и религиозные тенденции в молодежной среде. Современная социально-политическая наука предложила российскому обществу концепции подготовки молодежи к выполнению ею роли стратегического ресурса общества, которые в значительной степени учтены в «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. Тем самым был задан определенный вектор преобразовательной деятельности молодого поколения в нашей стране.

Несмотря на кризисные явления в молодежной среде, присущие глобальным преобразованиям 90-х годов XX в., в последние годы накоплен определенный ресурсный молодежный потенциал, который по своей структуре и качественным характеристикам соединяет современную российскую цивилизацию с достижениями мировой социокультурной практики. Для наращивания данного потенциала необходима правовое обеспечение самостоятельного и действенного участия молодежи в политике и в социальной жизни российского общества. В этом случае молодежь нашей страны может стать наиболее прогрессирующей социально-активной стратой, обладающей мощным инновационным потенциалом, запасом знаний и нереализованной энергии, которые послужат будущему России.

Однако, этот непростой путь преобразования социальных и мировоззренческих основ нашего общества лежит через преодоление многих препятствий, одним из которых являются межэтнические проблемы. В многонациональной среде мегаполиса, такого как Москва, у молодежи по-разному

проявляется этническое самосознание. Важно отметить, что оно, с одной стороны, определяется через понятия: этническая идентичность, этнический статус (которые детерминированы феноменами группового сознания), внутренняя солидарность (сплоченность) этноса и сохранность его этнической культуры. А, с другой стороны, этническое самосознание молодежи диалектически определяется через понятия межэтнической интеграции (т.е. способности встраиваться в более широкий этнокультурный контекст) и межкультурной коммуникации, ведущим к взаимному обогащению представителей разных национальностей в рамках единого мегаполиса. Тогда процесс и результат взаимодействия национальных культур можно рассматривать через понятия: ассимиляция, сепаратизация, интеграция и маргинализация. В социально-психологических исследованиях последнего времени показано, что этностатусная идеология может приводить к повышению конфликтного потенциала любой группы молодежи.

Например, среди учащихся вузов г. Краснодара выявлено, что этническое самосознание адыгейской молодежи сохраняет фиксированность на традициях, мифах и, так называемом, этническом романтизме, которые связаны с исторически сложившейся идентичностью. Этническое самосознание русской молодежи более ассимилировано к уровню общечеловеческих ценностей и менее фиксировано на мифах и «этническом романтизме». Однако, исключительную группу русских представляют казаки, проявляющие двойную идентичность и относящие себя, прежде всего, к казачеству, а уж затем — к русским. Казаки, как группа с высоким уровнем этнической мобилизации, притязают на особый этнический статус и способны выступать активной силой в различных межнациональных конфликтах.

В настоящее время межэтническая напряженность в России, в целом, и в столичном мегаполисе, в частности, возросла настолько, что ее невозможно больше игнорировать. Молодежная среда, как наиболее активная и социально-чувствительная, проявляет эту напряженность с особой остротой. Даже в вузах, в студенческой среде участились конфликты между представителями разных народов. Все это говорит об

усилении ксенофобии, т.е. неприязни к чуждым этноэлементам, в российском обществе и, особенно, в молодежной среде столицы.

Э. ПАИН, профессор, генеральный директор Центра этнополитических исследований (ЦЭПРИ) Института социологии РАН, дает следующее определение: «Ксенофобия - это массовое настроение подозрительности, переходящей в ненависть к "чужим". Экстремизм - организованная сила, эксплуатирующая страхи и объединяющая возбужденных этими страхами и ненавистью людей в различного рода ячейки и группировки.» По оценкам официальных правоохранительных органов, в России сегодня действует свыше 200 организаций, члены которых поддерживают и отстаивают лозунг "Россия для русских".

Характерно, что наиболее распространенные причины неприязни к мигрантам не до конца рационализированы: "они ведут себя агрессивно и нагло, они опасны, я их боюсь", "они везде, их слишком много" и т.п. Это ксенофобские реакции обусловлены страхом перед чужим, неизвестным. Таким фобиям, как правило, не сопутствуют сложные представления о характере социального взаимодействия, причинах и последствиях миграции, о конкуренции на рынке труда или культурной экспансии; они не дифференцируют приезжих по происхождению, этничности, целям их приезда. Подобная неприязнь поддерживается наиболее архаичными, рутинными страхами, которые внушены всем, что выходит за рамки повседневного опыта, и вызывают простейшую реакцию: стремление уклониться от дальнейших контактов с неизвестным, обеспечить для себя культурно однородную, предсказуемую среду обитания.

На "круглом столе" в Мосгордуме "Как противостоять экстремизму в молодежной среде?" 17 июня 2009г. начальником ГУВД Москвы

В. Прониным были озвучены следующие данные: за прошлый год в городе в три раза выросло число преступлений на почве национальной неприязни. На почве ксенофобии было совершено более 90 нападений, 47 человек были убиты, 52 дела направлено в суд. (Однако по сведениям правозащитников, в 2008 году

жертвами нападений скинхедов стали более 120 человек.) В прошлом году в столице произошло несколько массовых драк. Отличились студенты РУДН, Торгово-экономического и Строительного университетов.

Начальник московской милиции также привел несколько характерных примеров, когда из-за незначительного повода разгораются межнациональные драки с участием большого количества людей с обеих сторон, находятся биты и другие инструменты, применяемые во время этих столкновений. Пронин обозначил главный момент, который беспокоит московскую милицию - это участвовавшие в последние месяцы периодические столкновения между кавказской и славянской молодежью. «Это происходит на спортивных площадках, в школах, в вузах, в общественных местах, особенно на Манежной площади. В последнее время особенно частые нарушения общественного порядка наблюдаются со стороны дагестанской молодежи именно на Манежной площади», - заявил начальник ГУВД столицы. Сложность в том, что это не правонарушения в собственном смысле, а вызывающее поведение, которое не совсем подпадает под действие Административного или Уголовного кодекса.

Тем не менее, оно нарушает общественный порядок и провоцирует общественность (факты, вроде исполнения танцев «Лезгинка» в центре Москвы с выкриками, задевающими чувства окружающих).

По наблюдению известного ученого-исследователя В.А. Шнирельмана, регулярные социологические опросы, проводимые на территории России, показывают, что если в начале 90-х годов молодежь (18 – 24 года) в меньшей степени, чем представители старших поколений, была подвержена ксенофобии, то, начиная с середины 90-х годов, она оказалась весьма восприимчивой к праворадикальным настроениям. А к началу 2000 года по уровню ксенофобии молодежь превзошла практически все остальные возрастные категории, включая пожилых людей. К тому же экстремизм значительно помолодел - в правонарушениях все чаще участвуют ребята от 14 лет. Несмотря на постоянную пропаганду толерантности в школах, сегодня на учете в комиссиях по несовершеннолетним стоят 54

подростка (большинство детей из благополучных семей), и это лишь небольшая, легализованная часть нарушителей. На настоящий момент тема молодежного экстремизма, а также связанных с ним расизма, нацизма и ксенофобии является одной из важнейших и самых обсуждаемых в современной России. По данным исследователей на 2007 год на территории Российской Федерации действовала 141 молодежная группировка экстремистской направленности общей численностью не менее полумиллиона человек.

В 2004 году аналитическим Центром Юрия Левады (Левада – Центр) было проведено масштабное социально-психологическое исследование националистических настроений (в том числе, ксенофобии) в среде российской молодежи с последующим выделением основных психотипов.

Согласно полученным данным, 66,5 % респондентов в возрасте до 19 лет с раздражением, неприязнью, недоверием и страхом относятся к цыганам; 64,1 % - к чеченцам; 48,9 - к азербайджанцам; 19,5 % - к евреям. Кроме того, рост этнофобии молодежи сопровождается существенным ростом неприязни по национальному признаку вообще и увеличением возможности участия в этноконфликтах на стороне своей национальной группы.

Наличие неприязни по национальному признаку (учащиеся школ):

1998 г. - от 20 до 36 %

2001 - 2002 гг. - от 8 до 47 %

2004 - 2005 гг. - от 25 до 53 %.

Возможное участие в этноконфликте на стороне своей национальной группы (учащиеся школ):

1998 г. - от 60 до 83 %

2001 – 2002 гг. - от 73 до 89 %

2004 - 2005 гг. - от 66 до 91 %.

На основании полученной динамики можно обоснованно предположить, что значительное количество таким образом настроенной молодежи уже не удовлетворяет безобидное участие в неформальных контркультурных течениях или участие в политически нейтральных общественных объединениях.

Нынешняя социальная и политическая ситуация в России вызвала резкую идеологизированную поляризацию общей массы нашей молодежи. Из аморфной аполитичной массы поклонников контркультуры и различных неформальных субкультур выделилось несколько молодежных групп с самостоятельной и вполне оформленной политической идеологией – анархисты, леворадикалы, экологи. Достаточно большая часть российской молодежи сегодня, особенно в Москве, отдает предпочтение объединениям расовых и национальных радикалов, в которых принцип «своего» определяется по чисто биологическим и антропологическим признакам: «Движение против нелегальной иммиграции», «Славянский Союз», « Народная национальная партия».

Значительное количество молодых людей сознательно примкнули к неорганизованным или к жестко структурированным политическим объединениям ультраправого толка. При этом в настоящее время именно эта часть молодежи весьма организованно заявляет о своих политических, национальных и социальных предпочтениях, активно влияя на ряд общественных процессов в стране.

Большинство исследователей подобных ультраправых объединений молодых участников обычно относит к одной, условно однородной группе, в которую зачисляют достаточно различные молодежные группы: ультраправых скинхедов и футбольных болельщиков, молодых национал- патриотов, а также участников неформальных объединений, положительно воспринявших те или иные идеи ультраправой политической идеологии.

Исследования Центра Ю. Левады объективно показали, что для всех видов и групп праворадикальной молодежи характерно наличие определенных личностных психологических типов (которые можно назвать психотипами), в соответствии с которыми и определяется основная роль и степень участия в ультраправом спектре. Эти психотипы могут весьма различаться, как и возраст, социальный и идеологический тип самих праворадикалов, – лидер, активист, боевик или лицо, присутствующее в группе по иным мотивам. Но при этом доминирующий тип будет отвечать за место и роль молодого

человека в структуре националистического движения. Различия в структуре личностного психотипа, как правило, основаны на разнице в психологических качествах и мотивации того или иного участника.

ПСИХОТИПЫ

Фанатик – для этого типа молодых людей обычно характерен крайний фанатизм, основанный на искренней вере в идею «национальной исключительности», «расового превосходства» и т. п. Им присущи такие черты личности, как: героизм, личное мужество, склонность к самопожертвованию, которые обеспечивают им особое место в группе.

Обычно фанатики хорошо разбираются в истории и идеологии своего политического объединения, знают основные идеи и принципы ультраправой идеологии. Зачастую их вера в «национальное превосходство», «белую расовую идею» и другие подобные теории, обоснована долгими размышлениями, изучением значительного количества литературных источников.

При проведении опросов групп экстремистки настроенных скинхедов и футбольных фанатов исследователи выявили, что определенная часть группы (15 – 20 %) имеет значительный интерес к самиздату, раскрывающему националистические идеи по западным первоисточникам, а также к литературе, посвященной личностям великих завоевателей: Гитлеру, Франко, Муссолини, Наполеону, А.Македонскому, Чингисхану и др.

Для фанатиков сама их «идея» - свята. Ради ее воплощения в реальную действительность многие из них готовы сесть в тюрьму, подвергнуться избиениям, поломать руки и ноги. Своих идеологических противников они практически не воспринимают в качестве обычных, нормальных людей. Впрочем, и своя собственная жизнь имеет для них незначительную ценность, и часто заранее приносится в жертву «идее».

В отношении этого психотипа можно говорить не об интеллектуальных принципах, а скорее о наличии безоговорочной веры, весьма сходной с религиозной. В некоторых случаях имеют место явные психические отклонения.

Именно фанатики составляют политическое и идеологическое ядро скин-движения и актив различных ультраправых политических объединений, в том числе, наиболее новой и опасной их разновидности – Боевых Террористических Организаций.

Агрессор – этот тип характеризует крайняя злоба и агрессия. Он ненавидит все, что не попадает под определение «свои», и хочет разрушать. Причиной этого могут быть как личные особенности характера, так и влияние биологических (возраст, психическое состояние) или социальных особенностей (место проживания, социальный статус, семейное положение). Агрессоры ненавидят, в первую очередь, «черных», «желтых», «узкоглазых» - и вообще всех с «не белым» цветом кожи. Агрессия распространяется практически на все «отклонения» от среднего стандарта нормального «белого человека» - наркоманов, бомжей, извращенцев, капиталистов, политиков и многих других.

Человек этого психотипа переполнен яростной, едва сдерживаемой агрессивной энергией. Если бы он не был ультраправым радикалом, то был бы хулиганом, затевающим скандалы и драки на улицах (как это было в советское время). Идеология расизма и неонацизма ему подходит, т.к. изучать долго ее не надо: бей и калечь всех «этих». Ультраправая идеология дает агрессору чувство безнаказанности и «оправданности» его действий, снимает подсознательно ощущаемую «вину» за его поступки.

Наиболее часто индивиды с подобным психотипом встречаются среди участников скин-движения. Однако, повзрослев, эта молодежь становится основной «боевой силой» ультраправых объединений.

Игрок. Его участие в неонацистских и расистских объединениях - это игра. Он играет в крутого и рискованного парня - героя «белой борьбы». И именно эта игра ему нравится больше, чем другая, т.к. причинами могут выступать: самоутверждение, жажда особого вида риска, искренний интерес

к деятельности праворадикалов. Игрок, как ему кажется, заполняет свой досуг «интересным делом», в котором присутствует азарт и риск. Однако подобная игра длится до той поры, пока не надоест ему. Индивид с психотипом игрока обычно покидает своих соратников по «борьбе», когда правила участия данной игры становятся слишком жесткими (возможно тюремное заключение, расстройство учебы, карьеры), либо сама игра становится слишком опасной – грозит реальной физической гибелью или серьезным расстройством здоровья.

Индивиды подобного типа встречаются как среди бритоголовых, так и среди членов других ультраправых объединений.

Подражатель изначально подражает ультраправым - их одежде, манерам, стилю общения. Молодежь данного психотипа обычно воспринимает только имидж участника ультраправых объединений. В его представлении быть неонацистом, расистом, скином - это «круто», престижно и современно. Иногда, единственной серьезной причиной его участия в подобной деятельности является влияние друзей и близких. Например, бритоголовым становится младший брат из подражания имиджу старшего и желания походить на него.

Часто ультраправая идеология подражателю не нужна. Движение интересует его только пока оно модно, пока грозна его репутация. При этом данный индивид не готов жертвовать личными благами ради политической идеологии, разделяемой его товарищами. Молодых людей подобного психотипа особенно много среди бритоголовых, где наиболее ярко выражена субкультура и внешняя эпатажная «крутизна» ультраправого объединения, а также в среде «правых неформалов». При этом ветераны скин-движения называют подобных скинхедов «модниками» и отзываются о них с явным презрением: «Это шпана, отдающая дань моде, так как движение становится все более популярным...»

Попутчик. Его цель чисто прагматическая – суметь войти в доверие и стать своим в группе ультраправых радикалов. Он желает получить от этого простую и конкретную выгоду для

себя: защиту от обидчиков, уважение у сверстников, эпатаж общества или родных и знакомых. Само по себе ультраправое объединение для попутчика практически ничего не значит. В связи с нацеленностью на получение максимально быстрого результата обычно встречаются среди бритоголовых и сторонников иных неформальных субкультур, положительно воспринимающих элементы ультраправой идеологии.

Исследование показало, что участие в деятельности расистских и неонацистских объединений у данных типов молодежи весьма неоднородно. Психотипы фанатика и агрессора составляет наиболее устойчивую часть ультраправого спектра, точнее, его радикально-экстремистской части. При этом они остаются убежденными радикалами даже в наиболее трудные моменты, когда отстаивание своих взглядов и особенно их практическое применение может стоить им очень дорого.

Такие люди считают себя ультраправыми в течение долгих лет, даже сменив прическу, стиль одежды и манеру поведения, получив высшее образование и создав семью. Именно из этой среды выходит основная часть так называемых «старых скинхедов» и активистов праворадикальных объединений.

Ультраправые с психотипом игрока, попутчика или подражателя остаются в среде радикалов не так долго, часто всего несколько месяцев. Они поверхностны и не проникаются националистическими и радикальными идеями, как фанатики и агрессоры. Длительность их включения в состав праворадикального объединения зависит, как правило, от внешних факторов, таких как: противодействие со стороны милиции, общественное осуждение и «престижность» этого участия.

В любом случае можно сказать, что участие в деятельности ультраправых объединений оказывает сильное влияние на сознание молодежи. Изменения могут касаться идеологических и ценностных установок, образа мышления, особенностей поведения в той или иной ситуации. При этом данное влияние может быть весьма различным и зависеть от ряда факторов: возраста участника, длительности его нахождения в рядах ультраправого объединения, индивидуальных психологических

особенностей (внушаемости, критичности мышления и других), социальных условий жизни и т. д.

Полученная в научных исследованиях информация должна быть принята ко вниманию представителями государственных, законодательных и исполнительных структур Москвы и Российской Федерации. Какие меры предпринимаются в столице, чтобы предотвратить эскалацию межнациональной напряженности? Возможно ли безконфликтное развитие событий в многонациональном мегаполисе?

Председатель Комитета межрегиональных связей и национальной политики при Правительстве Москвы М. Ю. Соломенцев на вопросы журналистов по теме межэтнических отношений в столице ответил следующее:

« Наш Комитет работает уже много лет. Существует стратегическое направление реализации национальной политики, т.к. это серьезная сфера этно-социального регулирования. Чтобы вести конкретную работу необходимо целеполагание - то есть точно представлять чего мы хотим добиться. А это не столько бесконфликтное сосуществование разных национальных групп, сколько единое городское сообщество, основанное на принципах гуманизма и интернационализма. Москва за свою историю научилась делать из людей разных национальностей москвичей, и этим тенденциям нужно грамотно содействовать. Этот принцип отражен в городской целевой программе "Столица многонациональной России".

Вектор национальной политики в сторону интеграции стал более четко вырисовываться с 2004 года, и это наиболее эффективная стратегия в мегаполисе, особенно в столичном.

Понятно, что этнический фактор дает то, что не может дать государство. Если общество воспринимает человека как чужака, то он будет стремиться к тем, кого воспринимают также. В большинстве случаев это относится к мигрантам. Так им легче адаптироваться. Другая проблема – возникновение, так называемого, этнического клиентизма или фаворитизма. Здесь уже недалеко и до дискриминации меньшинством большинства. В целом, у нас имеет место несовпадение ценностей,

декларируемых государством, с реальными установками, распространенными в обществе.

Важно отметить, что нет зависимости между степенью многонациональности и конфликтности. Об этом говорят и мировой, и российский, и столичный опыт. Самый многонациональный округ Москвы - Западный, но там спокойно. В Центральном округе в основном живет интеллигенция и состоятельная публика, и здесь также трений между жителями практически нет. Дело не в многонациональности, а в социальных категориях, информационной среде.

Согласно современной трактовке межнациональный конфликт - форма гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из них, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий. В управленческой практике очень важно вовремя определить стадию вызревания конфликта. Если конфликтная ситуация осознана, даже случайные события из-за присущей межэтническим отношениям эмоциональности могут привести к конфликту.

В упрощенном виде основу межэтнических конфликтов можно определить так: коренные жители фиксируют нарушение приезжими местных негласных норм, которые эти приезжие могут не принимать в расчет, ориентируясь исключительно на свои, привычные для них нормы или на официальные кодексы (правила). Ведь нигде не прописано, что нельзя громко разговаривать на родном языке, устраивать танцы под громкую музыку в публичных местах и т. д. И поскольку игнорирование негласных норм не является юридическим нарушением, то у некоторой части населения, особенно у молодежи, активизируется потребность в восстановлении «справедливости», которую не восстанавливает официальная власть. Именно это составляет, в большинстве случаев, подоплеку межэтнических молодежных стычек и конфликтов в городе.

Миграционные процессы в последние годы стали настолько динамичными и массовыми, что сильно изменили этнокультурный ландшафт Москвы. Общее количество

проживающих в настоящее время 10,4 млн. человек. Фактически же дневное население столицы, включая мигрантов разного рода, в том числе транзитных и маятниковых, приближается к 15 млн. человек, а плотность населения Москвы - 15 тыс. человек на кв. км, что существенно выше большинства Европейских столиц. Население Москвы за 20-й век выросло в 10 раз, а площадь городской территории с 60-х годов выросла лишь на 10%.

Когда большие массы из одного региона прибывают в столицу в короткие отрезки времени, то плавно влиться весьма трудно. Многое зависит от того, из какой среды прибывают мигранты. Если это горожане - это одно, а если из сельских регионов - другое. В последнем случае взаимодействие внутри этногрупп часто проходит через систему отношений, свойственных родам, кланам. Кроме того, предубеждение принимающего населения усиливает консолидированность этих групп, сближает новоприбывших, заставляет еще больше держаться друг за друга. Конечно, такое положение вещей тормозит процесс "вживления" в новую среду.

Таким образом, политика интеграции - это обоюдный процесс, как со стороны принимающих, так и со стороны прибывающих. Людям, воспитанным в рамках традиционной народной культуры, легче "влиться" в московскую жизнь, если она построена по законам другой, но также традиционной культуры. Поэтому в городской программе "Столица многонациональной России" утверждается необходимость формирования у всех приезжающих представления о московском культурном пространстве, основанном на русской культуре, но в развитие которого внесли вклад представители разных национальностей.

Важная категория иннациональной молодежи - это студенты. Раньше стимулом приезда в Москву для них было желание получить престижное образование, приобщиться к более широкой культуре и, соответственно, большим возможностям. Здесь преодолевалась этническая замкнутость, характерная для традиционных обществ, формировалась общенациональная советская и российская идентичность. Сейчас же начали проявляться проблемы. Значительная часть студентов,

направленных из республик Российской Федерации, откровенно не ориентирована на получение знаний, в то время как усердные и одаренные ребята не попадают в целевой набор по причине отсутствия родственных связей во властных структурах на местах или высокого материального достатка. Другими словами, в Москву попадают не самые умные и воспитанные, а самые богатые и родовитые из бывших республик Союза. Решению этой проблемы могло бы способствовать создание межведомственной Комиссии, в функции которой входили бы рассмотрение состава участников целевых наборов в столичные вузы и поиск наиболее одаренных молодых людей в образовательных учреждениях регионов России. Комиссия могла бы стать одним из механизмов специальной системы подготовки кадров из числа представителей различных национальностей, которые в будущем будут формировать региональную элиту российской гражданской нации.

Участника целевого набора довольно сложно отчислить. Сейчас в Комитете прорабатывается вопрос создания при содействии вузов Москвы "Союза студенческих землячеств" - межвузовского общественно-консультативного органа, который должен заняться профилактикой межнациональных конфликтов в студенческой среде, а также будет решать вопросы организации досуговой и внеучебной деятельности. В состав данной организации должны входить наиболее влиятельные "лидеры мнений" из числа студентов, преподавательского состава, сотрудников Правительства Москвы и ГУВД по г. Москве. На сегодняшний момент эта мера может быть наиболее действенной.

В советские времена существовало такое понятие как "интернациональное воспитание". По сути, это самая здоровая идея в сфере межнациональных отношений. В упомянутой программе "Столица многонациональной России", интернациональное воспитание трактуется как «тип взаимодействия на основе равноправия, взаимоуважения и сотрудничества представителей разных национальностей».

Интернациональным воспитанием нужно заниматься со школы. Но за последние 15 лет мы несколько раз переписывали историю страны, в итоге дети учатся по учебнику, в котором

усматриваются ксенофобия и скрытая неприязнь к другим народам. Необходимы специальные комиссии, которые скрупулезно проведут экспертизу учебников. Сейчас, в рамках нашей программы проводятся семинары для учителей, курсы для госслужащих и сотрудников правоохранительных органов. Пока в качестве факультатива вводятся дисциплины "История мировых религий" и "Народоведение".

Возродить интернациональное воспитание можно не только через школу, но и через досуг детей. Можно, например, работать во дворах. У московских властей есть специализированная программа "Мозаика", которая предусматривает подобную работу. Органы местного самоуправления могут также внести свою лепту в этот процесс. Сегодня, конечно, нужно учитывать современные реалии, уметь разговаривать с ребятами на их языке. Рок-фестиваль "Этнопланета" и масса позитивных отзывов о нем - яркое тому подтверждение.

Что касается предложений на федеральный уровень, то необходимо проведение массовой пропагандистской кампании, направленной на формирование благоприятной информационной среды, способствующей развитию нравственных устоев многонационального российского общества и популяризации культурного многообразия российского народа. В данном направлении целесообразно задействовать все федеральные теле- и радио каналы, киноиндустрию, средства рекламы, печатную прессу и придать такой работе статус национального проекта.

Так как самый действенный способ доставки образования населению - это телевидение, возможно предложить создать федеральный телеканал "Образование". Данный канал мог бы состоять как из школьной программы, так и из научно-популярных передач. Одновременно создание согласительных комиссий по выработке изменений в учебник "История России" с целью исключения тенденциозных материалов, не способствующих взаимопониманию между народами нашей страны.

В связи с тем, что основная экстремистская агитация идет через сеть "Интернет", а большинство сайтов экстремистской

направленности физически расположены у зарубежных провайдеров и не попадают под юрисдикцию российского законодательства, необходимо законодательно решить вопрос о признании Интернета средством массовой информации со всеми вытекающим юридическими последствиями. Это даст правовой инструмент, борьбы с распространением идей национализма и экстремизма.»

Однако, все перечисленные чиновником Правительства Москвы предложения кажутся, если можно так выразиться, косметическими – т.е.

не затрагивающими суть проблемы межнациональной напряженности в столице.

Негативное отношение к мигрантам, установившееся в Москве со стороны русского населения, социологи объясняют традиционным недоверием к сфере торговли и предпринимательства (которые начали бурно развиваться после развала СССР), убежденностью, что приезжие "выживают коренное население с насиженных мест" и "живут лучше основного населения» и т.д. Весьма характерным в "антимигрантском" комплексе является мнение, что мигранты прокладывают себе путь взятками, а их правонарушения остаются безнаказанными.

Также негативное отношение к мигрантам и дискриминационная политика в их отношении часто оправдывается тем, что они не представляют никакой экономической ценности для принимающей страны, а лишь стремятся "пожиться за счет коренного населения", хотя очевидно, что вакансии, занятые мигрантами, нельзя назвать привлекательными. Эта тенденция использования дешевой рабочей силы приезжих на «грязных» работах характерна для всех мировых мегаполисов. Однако, в нашей стране и ее столице проявляется особая российская специфика.

Многолетние исследования трансформации российского социума, опирающиеся на данные об общественном мнении, свидетельствуют о характерной консервации его структуры, ослаблении восходящей и горизонтальной социальной мобильности, разочаровании в реформах, снижении ожиданий

и, как следствие, пониженном типе адаптации, характерном для значительной доли населения современной России. На фоне тревожной подавленности растет стремление к стабильности, к поискам твердой основы если не будущего развития, то хотя бы сиюминутного существования. При этом взгляды все чаще обращаются назад: потерянное ощущение великой общности, смысла и перспектив общественного развития многие склонны искать в советском прошлом - периоде "развитого социализма". Этот утраченный золотой век наделяется теми свойствами, которых не хватает современности, - экономической стабильностью, устойчивой и "справедливой" общественной структурой, развитой системой социального обеспечения, отсутствием значительного неравенства, разобщенности, гордым чувством принадлежности к великой державе, которую во всем мире уважают и боятся.

Эта жажда «идеального общества» дает представление о типе ценностных дефицитов в социально-экономической и политической сфере России начала XXI века. Важнейшей чертой идеализированного общественного устройства в подобных представлениях, безусловно, выступает социальная справедливость. Острое ощущение ее отсутствия, выражающееся в резком расслоении общества и бедности большинства населения, активизирует чувства обиды и раздражения. В обществе, где длительное время существует хроническая бедность, формируется особая субкультура - культура бедности, по выражению О. Левиса. Ее признаком является определенный комплекс психологических черт: пессимизм, отчуждение от власти, экономическая и социальная зависимость, отсутствие жизненных планов и уверенности в себе, повышенная агрессия.

Не в этом ли корень наших проблем, в том числе, межэтнических?

Повышенная агрессия всегда будет находить каналы для выхода, и межнациональные конфликты – один из наиболее простых и доступных таких каналов.

Концепции социального детерминизма бедности К.Маркса, Э.Райта призывают изменить социальные условия, порождающие бедность. А теория «социального исключения»

А.Сэма трактует это явление как лишение человека универсальных возможностей: здоровья, работы, образования, кредитов и т.д. Необходимо расширить социальные возможности людей, что создаст условия для их самостоятельного выхода из бедности.

Возможно, когда будут решены базовые проблемы нашего народа, то межнациональные конфликты сами по себе потеряют почву как в России, так и в ее столице. И тогда мы реально сможем проявить толерантность - как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности, по определению ЮНЕСКО.

Прядко Игорь Петрович,

кандидат культурологии,

доцент кафедры политологии и социологии МГСУ

КУЛЬТУРА ГОРОДСКАЯ, ЛОКАЛЬНАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ? (к вопросу о соотношении понятий)

В настоящей статье автор рассматривает проблему соотношения понятий городская, этническая и локальная культура. Настоятельная необходимость такого определения сегодня вызвана тем, что в литературе имеют место различные трактовки данных понятий, что, очевидно, не способствует взаимопониманию между исследователями. Это одна сторона проблемы.

С другой стороны, большое значение, которое имели города в формировании этносов, позволяет нам дать анализ городской жизни в аспекте того, как она отражается в этнокультурном социологическом исследовании. Для определения указанных понятий нам потребуется обратиться к истории рассматриваемых феноменов, выясняя тем самым, в каких отношениях находились они с точки зрения культурной диахронии.

В качестве исходного данного мы учитываем определения, получившие хождение в литературе предмета. Принято считать, что городская культура—это культура крупных и средних несельскохозяйственных поселений, обычно крупных административных и индустриальных центров. Малые города и поселки городского типа (от трех тыс. жителей) по размеру, облику и роду занятий более соответствуют деревне и селу. Подчеркивается, что сложность и величина города прямо пропорциональна гетерогенности составляющих его элементов. «Чем выше степень урбанизации, - пишет А.И.Кравченко, - тем больше она отличается по своему культурному облику от села и сельской культуры». Чем сложнее культура городов, тем больше они отличаются друг от друга. С этим выводом социологов можно согласиться.

Исследователями отмечаются разные типы городских культур. Последние даже в главных бросающихся в глаза чертах оказываются несходны. «Единого для всех городских поселений типа культуры не существует», - констатирует современный автор. Социологи подчеркивают существование у культуры каждого города особых этнических черт. Этнологи и культурологи говорят о том, что «города различаются не только географическим и геополитическим положением, численностью населения... и размерами, но также специализацией». Развитые в рамках того или иного этнического сообщества виды производственной деятельности определяют специфику города. Есть текстильные города (Иваново), горной промышленности и шахтерские города (Манчестер), центры автомобильной промышленности (Чикаго), города науки (Королев, Зеленоград, Хьюстон), города-курорты (Римини), «военные городки» - базы морского флота, места проживания армейских офицеров и их семей, религиозные центры (Рим, Сергиев Посад, Багдад), университетские центры и городки (Гарвард, Геттинген, Кембридж). Черты культуры, которые формируются в таких городках, специфичны и неповторимы.

Теперь рассмотрим, в каком отношении находятся понятия локальная и этническая культура к культуре городской.

Термин локальная культура обычно относят к общностям людей, имеющим специфические особенности повседневной жизни, определяемые различными стандартами поведения. Среди объединяющих факторов называют расово-этнический, языковой, фактор общности хозяйства, образа жизни, территории, сходства менталитета и ряд других. Однако ни один из данных факторов в отдельности недостаточен для образования культурного единства, и не всегда его наличие обязательно для фактического осуществления культуры. Достаточно здесь в пример привести *полиэтническую* культуру Эквадора, объединившую испано-говорящих креолов и местное индейское население; многоязычные культуры Швейцарии и Индии.

Культуры, которые охватывают широкие общности людей, сходных по фенотипическим признакам, выделяют как расовые.

При этом предполагается, что в основе *расовых* культурных общностей лежат наследственные психофизиологические особенности индивидов. Общность культур якобы проистекает из генетической близости людей одной крови. Подобная близость проявляется в быту, в повседневной жизни, в художественном творчестве. Может ли расовый тип общности стать основой некоторой духовной солидарности? Автору представляется подобный вывод в значительной мере необоснованным. Думающие так (например, А.С. Мамонтов) допускают распространенную в массовом сознании логическую ошибку—они умозаключают по схеме: *после того, значит вследствие того*. Расовые различия часто (хотя и не всегда) наблюдаются одновременно с культурными, но не они становятся причиной этих последних. Гораздо больший спланивающий смысл для этносов имеет религия.

Этнические общности и соответствующие им этнические культуры имеют менее всеобъемлющий, чем расовые общности, характер, но их отличают более определенные черты. Признак, по которому образуются данного рода общности,—не только наследственно-биологический, но и культурно-исторический. В указанном контексте именно различие между этничностью и государственно-политическим началом отражают понятия русский и россиянин. Этническая обусловленность локальных культурных единств находит выражение через *этническое самосознание*. Признаками этнической культуры, выражающими данное самосознание, становится повседневный быт, фольклор, этикетные нормы и даже характер пищи, нравы, обычаи, домашняя утварь, одежда, наиболее распространенные привычные жесты (так называемый *Body Language*) и многое другое [ср. 6]. Уже внутри локальной культуры - культуры этноса - происходит деление по принципу принадлежности субкультур разным типам поселений. Именно в рамках доминирующей культуры происходит разделение на городскую и сельскую. Культурное различие проявляется на уровне стилистических особенностей языка, на что указывали еще первые исследователи функциональных стилей—античные грамматик и ораторы, начиная с теоретика языка и поэта Вергилия Марона.

Специфика культуры этнических сообществ определяется и особенностями коммуникации. Вот что пишут в данной связи современные исследователи: «Культура любого социума предписывает строгое соблюдение норм и обычаев, регламентирующих общественную деятельность, и самым тесным образом связана с процессом становления личности, то есть ее социализацией. Возникшие в недрах продолжительной культурной эволюции на социальной основе, культурные ритуалы человека обладают ярко выраженными коммуникативными функциями... [Речевой этикет] разнится от культуры к культуре» [7, 48]. Однако культурная коммуникация не всегда ограничивается естественным языком: «Для сопоставительных исследований язык интересен и значим в первую очередь тем, что он позволяет увидеть, как представители разных лингвокультурных общностей, носители разных языков, по-разному подчас весьма отлично используют все богатство паралингвистических средств» [6, 89].

Итак, все перечисленные выше характеристики входят как элементы в содержание понятия *этническая культура*. Напомним при этом, что содержанием понятия в формальной логике называются все «мыслимые в понятии общие и существенные признаки предметов» [4, 49].

Между тем, отмечается следующая закономерность: чем малочисленнее этническая культурная группа, тем ревностнее она защищает свои ценности, свою национальную идентичность. Современные антропологи полагают, что появление этнических общностей восходит ко временам палеолита. Национальные отличия людей часто становятся почвой, на которой получают развитие межнациональные конфликты. Крайнюю опасность представляет искусственное разжигание подобного рода противоречий. Превращая национальные ценности в всеподавляющие и приоритетные, члены этнической общности нарушают традиционную иерархию феноменов культуры по принципу «высший—низший». В основе такого конфликтного поведения, как правило, лежит установка, на приоритетность национальных ценностей перед общечеловеческими, называемая *партикуляризмом*. В современном обществе национальная исключительность используется правящими элитами как

инструмент. Таким способом они стремятся укрепить свое положение. На фоне такого мироощущения, представления о национальной исключительности легче формируется образ врага в лице представителей чужой несхожей культуры. Национальный партикуляризм заслоняет универсальное начало. Рассматриваемую нами ценностную установку американский социолог, экономист и публицист Уильям Грэхем Самнер (1840—1910) называл культурным *этноцентризмом* [17, 13]. По Самнеру этноцентризм—это свойство сознания определенной этнической общности (племени, народности, нации) воспринимать себя в качестве некоторого образца, находящегося в центре мироздания; при этом по отношению к другим этническим образованиям преобладают подозрительность и вражда [12, 65]. Многие народы Европы в прошлом и настоящем отличались агрессивным этническим самосознанием. Деление людей на две основные группы—*мы* и *они*—существует издревле и кажется для индивидов чем-то естественным. Оно было объединяющим, сплачивающим этносы перед лицом враждебного мира. Несомненно, чувство этнической консолидации выступало в роли необходимого приспособительного механизма, поскольку помогало выживанию человеческих коллективов. Однако параллельно с этим этноцентрическая установка порождала национальный эгоизм и национальную *закомплексованность*. Проникновенные слова о соотношении национального и вселенского были сказаны русским мыслителем-всеединцем Вл.С. Соловьевым. Оправдывая национальную идею, философ тем не менее писал: «Национальные различия должны пребыть до конца веков; народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма. Но и сам этот организм должен также существовать на деле; великое человеческое единство не должно существовать лишь в виде скрытой силы или абстрактного существа; оно должно воплотиться в видимом социальном теле, явная и непрестанная центростремительная сила которого могла бы противодействовать множеству центробежных сил, раздирающих человечество» [9, 73]. Соловьев, как известно, связывал культурный диалог и национальную гармонию с чаемой им Вселенской теократией. Мысль русского

религиозного философа, при всей ее утопичности, имеет большое интеграционное значение.

История этносов тесно связана с появлением цивилизаций, т.е. с переходом человеческих сообществ к городскому образу жизни, с возникновением крупных оседлых поселений, где частотность коммуникативных актов неизбежно вела к усложнению социальной структуры. Исторически город стал закономерным следствием общественного разделения труда.

О том, что деление человечества на этносы совпало с переходом к городской цивилизации, говорится в мифе. Ветхий Завет дает грандиозную картину языковой дифференциации, имевшую место в период возведения грандиозной башни в величайшем мегаполисе древности—Вавилоне. По-видимому, именно с этого момента непонимание сделалось мощным инструментом управления социумом, поскольку облегчало политическому классу выполнять одну из его главных задач: разделяй и властвуй.

Процесс развития обществ в направлении городских цивилизаций происходил параллельно со становлением этнического самосознания. Возникновение места, где представители разных племен обменивались результатами своего труда, относительно мирно общались друг с другом, возникновение межродовых межплеменных контактов, которые, укрепляясь, служили образованию первых этнических единств, - все это имело место уже в глубокой древности. Здесь возникало то, что можно назвать территориальным императивом этноса, когда каждая этническая группа стремится обозначить свое место, установить контроль за таким ресурсом, как пространство.

Наконец, представление о контроле над пространством создавалось через разделение территории, занимаемой этническими группами на центр (полис) и бедную в культурном отношении окраину (*Land, country, hora*, проастиий и др.). Неравномерное развитие центра, где сосредоточены здания и сооружения, люди, ремесла, коммуникации, государственные институты, и периферии, которая оценивается как воплощение

рутины, социокультурной отсталости, закрепляется на длительный исторический срок.

Итак, говоря о древнейших человеческих культурах, историки и социологи неизменно отмечают, что именно с появления городов начинается этническая история человечества. Городская жизнь придавала динамику социокультурным процессам. Известный отечественный социолог И.А.Бутенко пишет в этой связи: «Городская культура принципиально отличалась от сельской. Город уже в Средние века сделался центром социокультурных изменений. Он противостоял тяготеющей к рутине и косности деревне». В истории культуры Нового времени можно наблюдать только усиление этих тенденций, что привело к современному порядку вещей: крайне высокой степени концентрации населения в городе, развитие городской социальной инфраструктуры в ущерб сельской, высокая плотность информационных потоков, угрожающих здоровью человека веществ и энергий именно в городах.

В этой связи возникает проблема усвоения городской урбанистической культуры, ориентированной на рост и развитие, «выходцами из малых городов и деревень». Это усвоение «растягивается на длительный период, составляющий примерно половину времени активной жизни и не заканчивающийся даже к исходу двадцатилетнего пребывания в большом городе».

Перечисленные нами особенности городской социокультурной динамики, делают не столь однозначным определение городской культуры как специфического социального феномена. Исследователи общества говорят о ней, как о «мозаичном образовании, в котором сосуществуют и переплетаются различные уровни и типы культурного развития социальных слоев и групп городского населения». Одновременно сельская (фермерская) культура, лишенная динамики и склонности к изменчивости, имеющих у городской, берет на себя роль хранилища ценностей глубокого прошлого. Такая культура часто осмысливается как тождественная народной культуре, что находит отражение в определении этой последней.

В каком же отношении находятся этническая и общечеловеческая культуры, воплощенные в сознании индивида? В современной психологии мышления признается, что интеллектуальная деятельность во многом обусловлена культурной спецификой. Поэтому культурные различия должны учитываться при изучении познавательных процессов. Вместе с тем, распространено мнение, что *наши интеллектуальные возможности не только порождаются культурным контекстом, но и ограничены им* [13, 48]. Такой, на наш взгляд вполне справедливый вывод делают как исследователи человеческой психики, так и лингвисты [1, 22—23], культурологи, антропологи. Рационально-логическим формам мышления европейцев противопоставляется интуитивно-чувственное постижение мира, характерное для представителей традиционных восточных сообществ. В актах мышления легко обнаружить некоторые интеллектуальные универсалии, примером чего являются признаваемые всеми законы логики. Ведь их источником считаются общие потенциальные способности людей воспринимать и обобщать информацию об окружающем мире. Соотношение обусловленного культурой и универсального в мышлении человека прослеживается в научной деятельности, а равно и в художественном творчестве. Выводы сделанные в таких областях, как логика науки, исследование структур научной деятельности, история науки, лингвистика, искусствознание служат подтверждением тезиса, что духовное производство как процесс есть взаимодействие методов деятельности, обусловленных субъективными причинами, и универсальных приемов постижения действительности как на интеллектуальном (наука), так и на интуитивно-чувственном уровнях (искусство, философия, мораль). Синтетизм русской культуры и другие ее отличительные черты находят воплощение, например, в творческой деятельности крупных отечественных мыслителей конца XIX— начала XX вв. Достаточно здесь назвать имена П.А. Флоренского, С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Л. Франка и др.

Непревзойденный по глубине анализ явлений традиционного русского иконописания дали П.А.Флоренский и Е.Н.Трубецкой. Последний из названных мыслителей

рассматривал икону в терминах этнического самосознания, как отражение противоречий русского духа, на протяжении веков определяющих эмоциональный настрой и интеллектуальное напряжение всей культурной жизни [10, 73]. Флоренский же не только подчеркивал универсальную «византийскую» составляющую в творениях русских мастеров, но и видел в изобразительных приемах отражение религиозных и этносоциальных архетипов сознания. См. его прекрасный анализ немецкой гравюры [11, 100—108], «ренессансной» живописи, стремящейся к иллюзорности [11, 95], православной иконы и фрески с ее декоративностью и статуарностью.

В связи со степенью зрелости, ясности этнического сознания, определенности этнической компоненты можно выделить культуру племени, культуру народности или нации. Зрелость этнического начала в социальной общности проявляется в ее этническом самосознании. Этническое сознание находит внешнее выражение в самоназвании этноса. Для нации оно выступает в роли доминирующего и вытесняет признак языка, до этого имевший приоритетный характер. «Все остальные признаки могут меняться, пока у территориально разобщенных групп людей сохраняются общие черты и самосознание, они в своей совокупности продолжают составлять одну этническую общность. Укрепление самосознания сочетается со стремлением этноса к собственной социально-территориальной организации, которая обеспечивает устойчивое существование этноса, сохранение территориального единства» [2, 43].

Национально-культурная общность культурологами рассматривается как образование гораздо более позднее, чем все предыдущие. Она связана с появлением наций, ставших основной формой этнического единения в период формирования капиталистических отношений. Несмотря на то, что нация имеет в своей основе некоторый расово-этнический компонент, она в целом опирается не на общность крови, а на общность языка, культуры, на крепкие экономические связи. В силу этого следует разграничивать понятия нация и народ. Последний термин лишен социально-экономического содержания и поэтому народ является более широким по объему понятием.

Одним из основных факторов сохранения и преумножения культуры ныне считается *преемственность*. Она часто рассматривается как фундаментальное свойство культуры, ее неотъемлемая черта. Механизм преемственности лежит в основе традиции - передачи культурных достижений от одного поколения к другому. По определению А.С. Мамонтова, преемственность есть способность культуры передаваться во времени, приобретая новые качества. В ходе рецепции культурных образцов прошлых поколений не только возможен, но и крайне желателен критический анализ и пересмотр основных моментов содержания наследия прошлого. Тем не менее, существуют ценностные ориентиры и концепции, которые не подвергаются критике на протяжении длительных периодов времени. В юридической культуре европейских стран таким базовым компонентом считается *римское право*, в астрономии неоспоримой ценностью и непреложной истиной является *гелиоцентрическая картина мира*, предложенная еще в конце XV в. польским астрономом Николаем Коперником. В наших знаниях о живой природе продолжает господствовать эволюционная концепция Чарльза Дарвина. При устойчивости, неизменности функций, происходит усложнение, развитие культурного инструментария, в результате чего появляются семиотические ряды, о которых писал Эдуард Бернетт Тейлор (Tylor 1832—1917) [8, 243—244]. Для обеспечения культурной преемственности поколений в обществе существуют специально созданные для этого социальные институты и учреждения. Среди них в числе первых следует назвать систему образования, учреждения культуры (библиотеки, архивы, музеи, древлехранилища и др.), СМИ. Культурное содержание, которое передается от поколения к поколению в результате преемственности, определяют как *культурное наследие*. Исследователи традиционной этнической культуры характеризуют культурное наследие следующим образом: это сохраняющаяся во времени совокупность общественных отношений, материальных и духовных ценностей прошлых эпох, подлежащих критическому осмыслению, совершенствованию и использованию путем преемственности в интересах поступательного развития человечества. При этом

называют общие свойства культурного наследия и преемственные черты культуротворческой деятельности.

И тем не менее, говорится не только о критическом пересмотре культурных образцов, но и о большой устойчивости национально-культурных образований. Ведь национальное единство глубже единства классов, партий, всех других преходящих исторических общностей в жизни народов. Наиболее глубоким по содержанию является определение, данное нации русским религиозным философом Н.А. Бердяевым. Этот мыслитель нацию называл «сложным единством, которое формируется в результате кровного смешения рас, племен, многих перераспределений земель, с которыми оно связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидающего его неповторимый облик».

Что касается самих терминов «локальная» и «этническая» культура, то соотношение их объемов можно толковать двояко. С одной стороны, этническая культура есть частный случай культуры локальной, следовательно это последнее понятие мы рассматриваем большим по объему. С другой стороны, этносы населяют значительные территории, а потому делятся на локальные группы, в которых распространены свои варианты культуры. К ним относятся городская и сельская культуры. В последнем случае объем понятия локальная культура уже, чем объем понятия этническая культура. В 60-е годы XX века с легкой руки Эйзенштадта и Толкотта Парсонса (1902—1979) получило распространение понятие *субкультура*, вполне адекватно выражающее отношение, в котором находятся локальные культурные комплексы внутри доминирующей культуры общества, то есть этнической культуры [см. 14].

Автор надеется, что в будущем терминологическое расхождение в понимании данных социальных терминов будет преодолено.

Литература:

1. Белянин В.П. Психоллингвистика. М.: Флинта, 2003.
2. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по общему

- языкознанию. М., 1984.
4. Иванов Е.А. Логика. М: Издательство БЕК, 1998.
 5. Краткий терминологический словарь // Фролов С.С. Основы социологии. М.: Юристъ, 1997. С.326—334.
 6. Мамонтов А.С., Морослин П.В. Паралингвистика в межкультурной коммуникации // Вестник Международного Славянского Университета им. Г.Р. Державина. М., 2006. Вып. 10. С.88—92.
 7. Мамонтов А.С., Морослин П.В., Грудзевская О.К. Формулы приветствия в сопоставительном аспекте как одна из актуальных проблем межкультурной коммуникации (на материале русско-американских сопоставлений) // Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Сборник трудов Первой международной научно-практической конференции. М.: Московский институт лингвистики. 2006. С. 48—49.
 8. Семенов Ю.И. Тайлор Э.Б. // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб: Проспект, 1998.
 9. Соловьев Вл.С. Русская идея. СПб.: София, 1991.
 10. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. М.: Сибирь XXI век, 1991.
 11. Флоренский П.А. Иконостас. М.: Искусство, 1994.
 12. Фролов С.С. Основы социологии. М.: Юристъ, 1997.
 13. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб: Питер, 2001.
 14. Bourricaud F. Sociology of Talcott Parsons. Chi.; L, 1981.
 15. Sumner Today: Selected essays of W.G. Sumner. New Haven, 1940.
 16. Sumner W. Folkways. Boston, 1949.